

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Я.Е.БОРОВСКИЙ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
МИР ДРЕВНИХ
КИЕВЛЯН

КИЕВ НАУКОВА ДУМКА 1982

На основе изучения письменных памятников и материалов археологических раскопок в книге раскрываются важнейшие аспекты мировоззрения древних киевлян, характеризуется многоликий языческий пантеон. Описаны языческие святилища, остатки которых обнаружены на территории древнего города, различные материальные предметы с символикой языческих образов, первоначальные представления дохристианской эпохи, погребальные обряды древних киевлян. В интересном и живом изложении автор показывает, что мировоззрение населения киевского средневековья является составной частью высокой и самобытной культуры наших далеких предков.

Для широкого круга читателей.

Ответственный редактор
кандидат филологических наук
Г. Н. Подлесная

Рецензенты
доктор исторических наук
П. П. Толочко,
доктор филологических наук
Г. К. Сидоренко,
кандидат исторических наук
В. К. Воляник

Редакция научно-популярной литературы

Б 0505010000-152 БЗ-43-1-81
М221(04)-82

© Издательство «Наукова думка», 1982

ВВЕДЕНИЕ

Ныне, в эпоху научно-технической революции, когда вооруженный огромными знаниями человек все больше познает тайны природы, наивными выглядят представления наших далеких предков об окружающем мире. Однако представления эти — объективный этап в процессе познания, они помогают нам глубже осознать историю родного края, нашего народа.

Восточнославянская мифология до недавнего времени была мало изучена, поскольку православная церковь пыталась беспощадно вытеснить из народного сознания все, что не совпадало с ее догмами. Однако древнее фантастическое восприятие мира сохранялось в народе, выливалось в красочную обрядность.

Языческим богам восточные славяне поклонялись задолго до введения на Руси христианства. Об этом свидетельствуют упоминания на страницах древних памятников письменности. Остатки религиозных представлений наших предков живут в легендах и сказках, летописях, художественной литературе, народных обычаях, в церковных произведениях. Однако таких сведений очень мало, и поэтому каждый факт, проливающий свет на языческую религию восточных славян, представляет научный интерес. Кроме письменных и этнографических источников, на помощь ученым приходит археология. Постепенно земля открывает свои тайны, и археологи обнаруживают остатки языческих капищ, предметы поклонения древних, относящиеся к различным историческим эпохам.

Религиозные взгляды древних славян, отражая мировоззрение наших предков, развивались и усложнялись. Они не отличались от аналогичного развития религий других народов. Фридрих Энгельс дал общую картину возникновения и развития религии в известной работе «Анти-Дюринг»:

«Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы природы, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью. Фантастические образы, в которых первоначально отражались только таинственные силы природы, приобретают теперь также и общественные атрибуты и становятся представителями исторических сил. На дальнейшей ступени развития вся совокупность природных и общественных атрибутов множества богов переносится на *одного* всемогущего бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека. Так возник монотеизм...»¹.

На начальном этапе истории Киева язычество представляло собой сложную смесь пережитков глубокой древности, то есть пришедших еще от родового строя воззрений, с новыми их формами, вырабатывающимися в процессе разложения родовых и образования классовых отношений в славянском обществе. Например, широко сохранялось обожествление сил природы, животных и растений. В Новгородской летописи отмечено, что поляне, в том числе и киевляне, были язычниками, почитали озера, колодцы, рощи и приносили им жертвы.

Однако очень скоро стихийные силы в представлении славян начинают оформляться в человекоподобные божества. Появляются русалки, берегини, рожаницы. Одновременно развивается культ предков. Дальнейшее развитие человеческого общества приводит к тому, что на первый план постепенно выступают божества, олицетворявшие силы природы, от которых зависел труд земледельца.

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 328—329.

Язычество — это огромный комплекс первобытных верований, взглядов и обрядов, который складывался на протяжении многих столетий. Спецификой языческого комплекса, как отмечает академик Б. А. Рыбаков, является своеобразный характер его эволюции: новое не вытесняет старое, а наслаивается на него, добавляется к старому. Исследования убедительно показывают, что в сумме религиозных представлений позднейших эпох обязательно присутствуют в том или ином виде представления предыдущих эпох.

Для изучения мифологии восточных славян особо важной является археология, в частности киевская, исследующая погребальные обряды древних киевлян, святилища на территории древнего города, различные материальные предметы, сохранившие для нас символику языческих образов и представлений дохристианской эпохи.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ОБ ОБЫЧАЯХ КИЕВЛЯН

С древнейших времен, еще задолго до принятия христианства, наши предки обожествляли непонятные им силы природы и поклонялись рекам, озерам, источникам, деревьям и животным.

Летопись, рассказывая о восточных славянах, отмечает разнообразие их языческих обрядов: «имели обычай свои и законы отцов своих и предания, и каждая свой нрав». Эти слова относятся к племенам полян, древлян, дреговичей, полочан, кривичей, северян, радимичей, вятичей.

Особо летописец выделяет полян, которые почитают «обычай отцов своих кроткий и тихий, и перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями, перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют». У полян существовал брачный обычай, по которому зять не ходил брать невесту. Ее приводили накануне, а на следующий день приносили за нее «кто что даст». А вот древляне, ближайшие соседи полян, браков не знали, они похищали себе девиц возле воды и жили «по-скотски». Подобные обычаи были у радимичей, вятичей и северян. Жили они в лесу, отмечает летописец, как звери, браков не имели, а устраивали игрища между селами.

Сходились на эти игрища, на танцы и на всякие бесовские песни и здесь умыкали (похищали) себе жен по сговору с ними.

В летописных описаниях замечаем резкий контраст между племенами. Нестор-летописец, составлявший «Повесть временных лет» в 1113 г. в Киеве, хвалил крещенных в свое время полян и, наоборот, показывал довольно неприглядную жизнь других племен, которые «жили в лесу, как звери» и придерживались еще языческих обычаев.

Поляне (и особенно киевляне) находились на более высоком уровне развития, чем северные племена, из-за чего и названы «мудрыми» и «смыслеными». Они строят города, придерживаются добрых обычаев отцов, имеют правильные семейные взаимоотношения. Но, как замечает летописец, вокруг Киева во времена Кия (конец V—VI в.) был «лес и бор велик», где ловился всякий зверь. Летописец-христианин несколько идеализирует современных ему крещенных полян, их быт и обычаи в прошлом. В знаменитом труде Нестор старается обойти полным молчанием языческую веру полян. Но сведения об их язычестве все же остались на страницах других летописей.

Так, в Новгородской (первой), Воскресенской и в некоторых других летописях достаточно ясно сказано об обычаях полян, которые «были язычниками» и «приносили жертвы озерам и колодцам и рощениям, как и прочие язычники». Этот рассказ о полянах-язычниках относится к известному сказанию об основании Киева тремя братьями Кием, Щеком и Хоривом.

Интересно, что в «Истории Российской» В. Н. Татищева (XVIII в.) сообщение о почитании полянами озер, колодцев и деревьев дополнено строками, которых нет ни в одном из летописных списков. Имеется в виду почитание киевлянами Солнца, Огня и других богов: «Эти мужи были мудры и смыслены, называются они полянами и до сего дня, верою же были тогда язычниками, приносили они жертвы озерам, колодцам и рощениям. Солнце и огонь и других почитали, как богов, как и другие язычники творят».

По всей вероятности, В. Н. Татищев слова о языческих верованиях полян взял из неизвестных ныне или не дошедших до нас летописей. Сведения о почитании полянами Солнца и Огня еще во времена Кия не отри-

Игрища. Миниатюра Радзивилловской летописи.

цаются и более поздними свидетельствованиями наших летописей, различных поучений христианских проповедников. Отмеченная деталь, не сохранившаяся в других летописных списках, расширяет круг фактов из истории древнего Киева.

Между прочим указание на то, что киевляне во времена Кия были язычниками, подтверждается и самой «Повестью временных лет». В речи Философа, которая, по мнению исследователей, является русским произведением, составленным для пропаганды христианства на Руси, открыто характеризуется религиозное сознание полян-язычников перед принятием христианства. Философ замечает о язычниках (тут скрыт выпад против русского язычества), что по «дьявольскому научению приносили они жертвы рощам, колодцам и речкам». Собственно это повторение тех же слов о полянах-язычниках, которые в указанных выше летописях адресуются непосредственно полянам-киевлянам времен Кия.

Водяные культы. В древних памятниках довольно часто говорится о водяных культах язычников. Прежде всего это молитвы у воды, жертвоприношения. Жертву клали или выставляли на берегу и ее должна была поглотить боготворимая стихия. Некоторые старинные памятники (например, «Слово Иоанна Златоуста о том,

как поганые кланялись идолам») объясняют, из чего состояла такая жертва. Оказывается, в воде топили кур. Это известие подтверждается сообщением Льва Диакона, согласно которому воины Святослава погружали в воды Дуная живых петухов. Безусловно, среди русских воинов было много киевлян.

Славяне считали воду стихией, из которой образовался мир, а поэтому и поклонялись ей. Они населяли воды различными божествами — морянами, водяными, русалками. Боготворились ими и особые женские водяные существа — берегини, культ которых связан с водой. О почитании берегинь осталось немало свидетельств в речах проповедников против язычества. В том же «Слове Иоанна Златоуста» сказано, что на Руси поклонялись «и речкам, и источникам, и берегиням».

По представлениям древних, поклонение воде и источникам должно было спасать от засухи, орошать поля. Поклоняясь водяным божествам, восточные славяне клялись ими, очищались водой как священной стихией, приносили в жертву цветы, пищу, кур. Водяным существам посвящались особые праздники для свершения перед ними торжественных служб и обрядов. Такие праздники возле воды отмечались в начале и в середине лета.

Летний праздник с 23 на 24 июня (ст. ст.) происходил возле воды (речек, озер, прудов) в честь древней языческой богини Купалы. Некоторые исследователи, в том числе и автор «Синописа» 1674 г., считали, что это был праздник Купала—бога земных плодов, урожая, достатка и воды. Однако есть основания считать, что первоначальной была богиня Купала, могущество которой распространялось на все полевые прорастания. То, что под именем мифической Купалы на Руси подразумевалось существо женского рода, подтверждается и обрядовыми играми, где богиню представляло дерево — ива, которое часто упоминается в купальских песнях. Иногда место дерева занимала кукла или девушка, которую называли царицей, купайлой или мареной.

На праздник Купалы возле воды собирались девушки и парни, раскладывали костры, прыгали через них, пели песни, жгли березовую кору. Девушки плели венки и пускали их на воду. Прыганье через огонь, купанье на заре, хороводы вокруг костров имели особый магический смысл — очищение от грехов.

Описание праздника, по «Синописису», называемому его «бесовскими игрищами», где «нечестиво ходят и скачут и песни поют», напоминает соответствующее место из «Повести временных лет» об игрищах славян с бесовскими песнями и танцами, на которых похищали невест. Считаем, что, описывая такие игрища, летописец имел в виду праздник Купалы у восточных славян.

Почитание лесов и рощ. Как указывает летопись, киевляне поклонялись деревьям, то есть почитали леса и рощи, посвящая их богам. Отдельные рощи у славян обожествлялись полностью: в них не разрешалось ловить птиц, зверей, рубить деревья. Нарушителей ожидало суровое наказание, иногда смерть.

Леса и рощи считались жилищами богов. Поэтому здесь, иногда возле отдельных деревьев, поклонялись божеству, вели богослужение, приносили жертвы. На почитание деревьев у славян указывают иностранные источники, народные предания. В «Уставе» Владимира о церковных судах, например, говорится о тех, «кто молится в роще». О поклонении деревьям упоминается в житии Константина Муромского, о жертвоприношениях рощам — в Густынской летописи.

По мнению Е. В. Аничкова, почитание священных деревьев наряду с обожествлением воды и культом огня под овинном составляют главнейшие черты народной веры наших предков. Эта вера у племен, живших преимущественно земледелием, была связана с сельским хозяйством, то есть эти культы имели хозяйственное значение.

Кроме поклонения воде и деревьям, восточные славяне почитали как особые божества солнце, луну, звезды и огонь. О почитании киевлянами Солнца и Огня—двух главных богов времен Кия упоминает, как мы уже видели, одна из неизвестных ныне летописей, которой пользовался В. Н. Татищев. Упоминание о двух языческих идолах находится также в армянской легенде, являющейся несомненным вариантом киевского предания об основании Киева.

Обожествление солнца. Солнце почиталось восточными славянами издавна. Недаром арабский писатель X ст. Аль-Масуди называет славян-язычников солнцепоклонниками. В апокрифе XII в. «Хождение богородицы по мукам» среди других славянских богов упоминается и

бог Солнце. К солнцу как к божеству обращается в плаче-молении Ярославна:

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале, приговаривая:
«Светлое и тресветлое солнце!
Для всех ты тепло и прекрасно.
Зачем, господин, простерло ты горячие свои лучи
на воинов моего милого?
В поле безводном жаждою им луки согнуло,
горем им колчаны заткнуло?»

*«Слово о полку Игореве»
(пер. Д. С. Лихачева)*

Да и главные герои «Слова о полку Игореве» Олег и Игорь считали себя внуками бога Солнца. Потомками Солнца, в данном случае солнечного Даждьбога, называет безымянный автор бессмертного памятника весь русский народ. Один из исследователей славянской мифологии С. Бергман в имени славян усматривал указание на древний миф об их происхождении от солнца и допускал перестановку звуков: *свал (свалиус) — слав-славянин*, то есть происходящий от солнца.

Бесспорно, древний славянин видел в солнце могущественного подателя тепла и света, представляя его раскаленным небесным огнем, колесом, от которого всецело зависели его жизнь и благополучие. Смены времен года вызывали представления об умирающем и оживающем боге. О солнце говорили, как о живом существе: оно пробуждается от сна, садится, прячется за тучи.

Солнцем клялись при заключении мирных договоров: клятвы и заклинания провозглашались в сторону восхода божественного светила. Часто жрецы, волхвы и другие служители верховного божества на земле выступали от его имени. Красному солнцу, оживляющему всю природу, посвящались и особые праздники — Ивана Купала, Коляды, проводов. Они сопровождались обрядовыми играми, танцами и песнями, в которых люди прославляли солнце, просили у него дождя и урожая. Однако солнце бывало не только добрым. Как живое существо, оно гневало на людей, иногда приносило и несчастья. В «Слове о полку Игореве» солнце своими горячими лучами губит воинов князя Игоря.

Обожествлялось солнце и в народной поэзии. В одной украинской песне женщина, обращаясь к солнцу, называет его богом:

Ой піду я темним лугом,
Оре милий своїм плугом,
Чужа мила поганяє,
І к сонечку промовляє:
Помож, боже, чоловіку,
Щоб так орав поколь віку.

Как видим, более всего почитали славяне светлогресветлое солнце. Поэтому и не удивительно, что красному солнцу поклонялись Кий, Щек и Хорив, их воины и рядовые киевляне. Со временем они могли называть солнце Трояном. Недаром имя этого божества четыре раза упоминается в «Слове о полку Игореве» при упоминании «веков Трояна», «земли Трояна», «тропы Трояна» и «седьмого века Трояна».

Первоначальное значение Трояна заключается в триедином божестве, признававшемся многими религиями древних народов во все периоды человеческой цивилизации. В Древней Руси слово *Троян* толковали как три солнца в одном, то есть *три Яна*. Ян был таким же богом солнца у славян, как Купало, Ярило, Даждьбог. В народной поэзии часто упоминается Ян как представитель солнца на земле. Именно в языческие времена и даже несколько позже божество солнца представлялось тройным, триединым, словно три существа, связанные между собой единством действий. Летописи часто отмечали знамения, когда на небе появлялось три солнца.

О том, что слово *троян* происходит от солнечного бога Трояна, напоминает сохранившееся до нашего времени выражение: *троян — тройка лошадей*. Известно, что одним из атрибутов бога солнца вообще был конь (Радегаст, Триглав, Сварожич). Славяне-язычники не представляли себе солнца без коня. Да и по преданиям романских и других народов солнце ездило на колеснице, запряженной тройкой лошадей.

Функции Трояна как бога солнца несколько напоминают функции штетинского Триглава, обозначавшего все светлое на земле, которому поклонялись как богу солнца. Головы его обозначали три царства: небо, землю, подземный мир.

В словах *Троян* (восточные славяне), *Триглав* (прибалтийские славяне), *Тримурти* (индусы) составной частью является числительное три. Это объясняется тем, что все эти божества воплощали солнечную силу в сменах времен года. Многие народы разделяли год на

три части: весну, лето, зиму (сев, жатву, подготовку к весенним работам). Именно в словах Троян и Триглав усматривается троичная светоносная сила, отвечающая трем временам года.

Другие восточнославянские племена, соседи полян, могли называть солнечное божество по-своему. Поэтому в древних памятниках встречаем такие имена солнца у восточных славян, как Дажьбог, Ярило, Купало, Коляда, Троян.

Почитание огня. Сварог. Другим богом, которого почитали киевляне, был Огонь. В древнейшие времена и во время Кия его могли называть Сварогом. Ведь в представлении древних именно Сварог олицетворял Небо и был богом, зажигающим огонь и дающим жизнь солнцу, то есть был отцом Сварожича и Дажьбога — двух самых могущественных богов на Руси. Кроме того, имя Сварога, верховного бога славян, и его происхождение связывают с санскритскими словами, обозначающими свет, солнце на небе. А это подтверждает, что Сварог в древние времена был богом света, неба и всего мира, подобно древнейшему главному божееству греков Урану.

Верховный повелитель мира, властелин небесного огня Сварог в переводных памятниках XII в. отождествляется с греческим Гефестом, богом огня и богом-кузнецом. Так, в рассказе о Свароге-Гефесте в Ипатьевской летописи даны выписки из хроники Иоанна Малалы. Во времена Сварога, отметил летописец, люди научились «ковать оружие», овладели искусством кузнечного ремесла. С именем Сварога связана также борьба за моногамную семью, единобрачие, в связи с чем его считали покровителем брака и семьи.

Однако со временем различные проявления светлого бога (Сварога) назывались уже специальными именами. В той же Ипатьевской летописи во вставке переписчика указано, что после Сварога «царствовал его сын именем Солнце, которого называют Дажьбогом». Другой сын Сварога Сварожич олицетворял только Огонь. Солнце олицетворяли еще Ярило, Коляда, Купало, а Род был богом неба, грозы и туч. Интересно, что по другим древним сказаниям Сварог с появлением Солнца-Дажьбога и Огня-Сварожича ушел на покой, оставив им в управление Вселенную и предоставил неограниченность действий.

Несомненно, что именем Сварога у восточных славян называлось немало городищ. Таким было село Саварка на реке Рось, которое, по преданиям, называлось Саварой (другое название Сварога — Соварог). Недалеко от Киева находилось городище Саварка (ныне с. Сваромье), где, по мнению исследователей, могло находиться святилище Сварога.

Сварожич — бог огня и сын Сварога довольно часто упоминается в древнерусских памятниках письменности. Так, в «Слове о том, как язычники поклонялись идолам» говорится об огнепоклонстве и объясняется, для чего люди поклонялись огню. Сварожич является тем священным огнем, который разводят под овином и который сушит хлеб. В проповеднической литературе, направленной против язычества, упоминается: «огню Сварожичу молятся, зовут его Сварожичем», «под овином молятся» и т. д. Здесь выступает земледельческий культ огня, в котором огнепоклонство соединялось с почитанием солнца.

Необходимо отметить, что во времена Киевской Руси главным богом восточных славян становится Перун, полностью заменивший Сварога. Вот почему мы не находим имени Сварога в пантеоне богов Владимира, хотя в народной памяти он еще долго жил как покровитель кузнецов.

Перун. После Сварога и Рода главное место среди языческих богов Древней Руси занял Перун — бог грома и молнии. По своим функциям Перун напоминает греческого бога Зевса, римского Юпитера, скандинавского Одина.

Из текстов договоров руссов с греками известно, что княжеские дружины Олега, Игоря и Святослава неизменно присягали именем Перуна. Присяга постоянно присоединялась к традиционной клятве оружием. Так, повествуя о заключении мира греков с Олегом, летописец отмечает: «а Олега с мужами его водили в клятве по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном их богом». Еще более эффектна клятва 945 года: «Если же кто-нибудь из князей или людей русских, христиан или нехристиан, нарушит то, что написано в хартии этой, — да будет достоин умереть от своего оружия, и да будет проклят от бога и от Перуна за то, что нарушил свою клятву».

Князь Олег и его дружина клянутся богом Перуном. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Клятвопреступника ожидала грозная и страшная месть неумолимого бога, о чем сказано в договоре Святослава с греками в 971 году: «Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я (то есть князь Святослав. — Б. Я.) и те, кто со мною и подо мною, будем прокляты от бога, в которого веруем, — от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное оружие».

Из договоров руссов с греками, записанных в «Повести временных лет», ясно, что Перун X века стал богом оружия, княжеской дружины, покровителем самого князя, то есть богом княжеско-дружинной Руси.

Идол Перуна стоял в Киеве на горе. Вот как об этом рассказывает под 945 годом «Повесть временных лет»: «На следующий день призвал Игорь послов, и пришел на холм, где стоял Перун; и сложили оружие свое и щиты, и золото и присягали Игорь и люди его, — сколько было язычников между русскими». По мнению исследователей, в частности Е. В. Аничкова, упомянутый здесь идол Перуна стоял в самом княжеском дворе Игоревичей, то есть в древнейшем городище на Старокиевской горе. Исследователи считают, что местом, где

стоял Перун, упомянутый в договорах с греками, было языческое капище, раскопанное в 1908 г. В. В. Хвойкой (напротив входа в нынешний Государственный исторический музей).

Когда же князь Владимир стал властелином Руси, то есть князь и дружина стали политической властью, тогда, по летописи, Перун был поставлен «за теремным двором» на холме, окруженный сонмом других богов. Основание языческого пантеона в Киеве было осуществлено с целью объединения различных племен в единое государство с единой верой. Перун — бог князей и дружинников — был превращен Владимиром в главное божество всей Русской земли.

Боги Владимира стояли, по летописи, на холме, «за двором теремным», то есть за пределами древнейшего городища и предназначались для всеобщего поклонения. Анализ летописных сведений позволяет локализовать названное капище в центре древнего Киева, на Бабином торжке, рядом с ансамблем княжеских дворцов X в. Остатки святилища были обнаружены П. П. Толочко и автором этих строк в 1975 г. во время раскопок под домом № 3 по Владимирской улице.

Среди новопоставленных богов (Даждьбога, Хорса, Стрибога, Симаргла, Мокоши) летописец на первое место ставит Перуна. Этот всемогущий бог имел человеческое подобие. Тело его было высечено из дерева, голова отлита из серебра, а усы из золота. Густынская летопись дополняет образ Перуна: ноги у него были железные, глаза из драгоценных камней. В руке он держал каменное подобие стрелы, осыпанной яхонтами. Перед Перуном всегда горел огонь, который жрецы под страхом смерти обязаны были поддерживать.

Культ Перуна был установлен также в Новгороде. Тем самым два главных пункта пути из «варяг в греки» объединялись единым культом. Новгородское святилище разместили на левом берегу Волхова, на высоком холме. В центре стоял кумир Перуна. Он держал тяжелый дубовый посох и смотрел на восток, а вокруг него постоянно горело восемь костров.

Перун — божество всепобеждающее и карающее. Он олицетворял грозные силы природы, вызывающие страх и трепет. По представлениям белорусов, это бог высокого роста с черными волосами и длинной бородой (борода — символ туч, покрывающих небо). Вооруженный

Князь Игорь и люди его (язычники) присягают идолу Перуну. Миниатюра Радзивилловской летописи.

луком и стрелами мчался он по небу во время грозы на пылающей колеснице и поражал нечестивых. Древние считали, что гром — это грохот его колесницы, а слепящие молнии — его стрелы. Как божество, посылающее дожди, Перун считался подателем земных урожаев, покровителем земледелия. Ведь дождь крестьяне называют кормильцем. Недаром все живое радуется первому грому и спешит умыться дождевой водой. Именно в такое время, по представлениям наших предков, облачное небо озарялось промовержцем Перуном.

Введение христианства на Руси привело к уничтожению всех идолов того времени, в том числе и Перуна. Владимир приказал свергнуть кумиров, одних изрубить, других сжечь. По летописи, первым был низвергнутый главный бог Киева и Руси. Его привязали к хвосту коня и волочили с горы по Боричеву взвозу к Днепру, а 12 сильных мужей колотили бога жезлами. И сбросили Перуна в Днепр, и поплыл он, а язычники бежали следом и кричали: «Выплывай, боже, выплывай». Прошел Перун пороги и выбросило его ветром на берег. С той поры и называется то место Перуновой отмелью.

Не менее жалкой была участь и новгородского Перуна. Легенды рассказывают, что новокрещенные новго-

родцы сбросили идола в Волхов. Один из новгородцев бросил Перуну, что тот «досыта поел и попил», издеваясь над его позорным отплытием Волховом из Новгорода. Разгневанный Перун будто замахнулся на него дубовой палицей и забросил ее на мост, крикнув людям: «Вспоминайте меня и бейтесь на мосту сем». Так в старину объяснялась причина частых столкновений новгородцев на мосту через Волхов, причем палки их назывались перуновыми палицами.

Язычество еще долго уживалось с христианством. По сведениям проповедников, народ тайно поклонялся языческим богам, и в первую очередь Перуну. Его приметы позже были перенесены на святого Илью, который у славян и греков связан со старым культом небесного божества.

Пантеон богов Владимира. Следует вспомнить о тех языческих богах, которые стояли на горе Киевской рядом с Перуном, как Хорс, Дажьбог, Стрибог, Симаргл и Мокошь. Это могли быть боги различных племен и местностей Древней Руси.

Хорс и Дажьбог считались богами Солнца. Имена их, кроме «Повести временных лет», упоминаются и в других памятниках древности — «Житии князя Владимира», «Слове о полку Игореве», «Слове о том, как язычники поклонялись идолам». Если Дажьбога признавали славянским богом солнца, то Хорса считали богом солнца южных племен, в частности торков, где еще в X в. было сильным скифско-аланское влияние. Имя Хорса выводится из персидского языка, где *корш* (*коршид*) обозначает солнце. Предполагают, что это имя происходит от скифского бога, позже ставшего у славян названием божества.

Однако существует взгляд о славянском названии великого Хорса, его принадлежности славянам. «За разъяснениями значения этого русского божества,— писал Н. М. Гальковский,— нет нужды обращаться к восточным народам. Хорс мог обозначать собою солнце в его ежедневном круговороте». Он сравнивал русское *Хорс* с греческим *хорос* — круг. Круглый подсвечник, находившийся в древние времена в храмах под самым куполом, назывался хоросом, обозначая небесный свод. Да и само солнце, поднимаясь на востоке и опускаясь на западе, словно описывало круг.

Однако это еще не значит, что Хорс был богом солнца. Правильная трактовка его назначения помогает уяснить «Слово о полку Игореве», где упоминается величественное языческое божество, которому Всеслав Полоцкий путь перебежал. За одну ночь он добегал от Киева до Тмутаракани: «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутаракани, великому Хорсу волком путь перерыскивал».

Последнее принято понимать так, что Всеслав пересекал путь самому солнцу. Однако уже Е. В. Аничков по этому поводу отмечал: «Но ведь речь идет о ночи?! Как можно вызывать представление о солнце при описании скорости ночного пути?» По его мнению, местность, которую пробежал Всеслав, принадлежала торкам, еще во времена Владимира покорившимся его государству.

Ясно, что Всеслав перебежал путь Хорсу ночью. Безусловно, справедливым является замечание Е. В. Аничкова, считавшего, что при описании ночного пути никак не может возникнуть представление о солнце. Ведь действие происходит еще до пения петухов. Поэтому Всеслав никак не мог перебегать путь солнцу даже в необычном представлении певца. Великим Хорсом было не солнце, а месяц, которому, как известно из различных источников, также поклонялись восточные славяне. Это засвидетельствовано хотя бы в таком древнем памятнике, как «Хождение богородицы по мукам», где во вставке, сделанной переводчиком, сказано, что люди называли богами «солнце и месяц, землю и воду, и зверей, и гадов; все это те люди сделали из камней,— Трояна, Хорса, Велеса и Перуна в богов превратили».

Как известно, культ поклонения месяцу — один из важнейших. В эпоху средневековья он был широко распространен у народов Европы. Отражением этого культа являются подвески-лунницы в виде полумесяцев. На территории Руси их найдено очень много, в том числе и на современной территории древнего Киева. Лунницам приписывались священные свойства. Известны слова из «Заповеди» митрополита Георгия, где сказано: «Аще кто целует месяц, да будет проклят».

В языческих религиях, в том числе и славянских, почитание солнца и месяца как божеств — покровителей брака — довольно распространенное явление. Месяц

обычно является мужским началом, женихом, солнце — невестой, то есть месяц и солнце являются божественной брачной парой.

Хорс как славянское божество имел и свою индивидуальность. Это мог быть зимний месяц декабрь (у украинцев, чехов и др.), название которого перекликалось с именем Хорса — крутой, суровый месяц. Декабрь — один из семи месяцев, в течение которых княжил Всеслав в Киеве (с сентября 1067 г.). По народным преданиям, время с ноября до февраля — волчье время, когда чародеи могли превращаться в волков. Недаром автор «Слова о полку Игореве» говорит о Всеславе как о князе, который «грады рядил» и как о кудеснике-оборотне, вурдалаке, который ночью перебежал волком путь великому Хорсу — ночному светилу, божеству восточных славян.

В Киевском пантеоне на Перуновом холме находился и Дажьбог — один из главных богов языческой Руси. Под этим именем обожествлялось красное солнце, которое, по верованию наших далеких предков, давало жизнь, питало всю окружающую природу. Отсюда объясняется и название Дажьбог (от древнего *даждь* — *дать*, то есть *дай-бог*, *дающий бог*, буквально *дающий жизнь*).

По древнерусским памятникам солнце и Дажьбог — синонимы. Солнцем называет Дажьбога в 1114 г. Ипатьевская летопись: «Солнце же царь, сын Сварога, он же Дажьбог». В этом понимании Дажьбог считался «дедом всех людей». Славяне вообще считали, что их родословная происходит от богов, которые, по древним памятникам, когда-то были людьми, предками живущих. В числе таких богов называлось солнце. Недаром автор «Слова о полку Игореве» — прекрасный знаток народной мифологии — называет русский народ Дажьбожьими внуками.

Дажьбог был также источником благополучия, богатства человечества, что побуждало славян высоко чтить его и называть могущественнейшим среди богов¹.

Кроме Дажьбога, почитались на Руси и другие солнечные боги: Сварожич, которого называли еще огнем, или мечущим стрелы, то есть солнечные лучи;

---

¹ Некоторые исследователи считают, что Дажьбог был божеством северян.

Ярило — бог весеннего солнца; Купало — бог летнего солнца, а также Троян, Коляда, Переплут.

Под тем же 980 г. в «Повести временных лет» наряду с другими богами Владимира, стоявшими на Киевской горе, упоминается Стрибог. По «Слову о полку Игореве» — это дед, родоначальник всех ветров: «Вот ветры, Стрибожьи внуки, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря». Но веяние стрелами и метание ими (в другом месте «Слова» ветер-ветрило мечет «хиновский стрелы») позволяет говорить о Стрибоге и как о славянском божестве войны. Вышесказанное подтверждает и пояснение первой части слова Стрибог, где *стри* от древнего *стрити* — уничтожать. Отсюда Стрибог — уничтожитель добра, бог уничтожающий, или бог войны. Таким образом, Стрибог — уничтожающее начало в противовес доброму Дажьбогу. Другое название Стрибога у славян — Позвизд.

Культ Стрибога был достаточно распространен на Руси. На это указывают некоторые географические названия, связанные с именем грозного бога: река Стрибожская на Киевщине, село Стрибиж на Житомирщине и др.

Среди перечисленных в летописи богов, стоящих на Старокиевской горе, не совсем ясна сущность Симаргла. Даже имя его в разных памятниках писалось по-разному: и как *Симаргл*, или *Семургл* и как *Сим* и *Рьгл*.

Основываясь на том, что в некоторых памятниках имя Симаргл передавалось как *Сим* и *Рьгл* и даже *Сим* и *Ергл*, А. С. Фаминцин выдвинул предположение, что в слове *Ерьгл* более поздними переписчиками была допущена ошибка: вместо *ьг* нужно читать *ы*, т. е. *Ерыл*, *Ярило* — солнечное божество, почитание которого было широко распространено на Руси. Однако здесь остается необъяснимым слово *Сим*. Некоторые исследователи толкуют *Симаргл* как *Семи-Ярило*, предполагая, что Ярило мог иметь семь голов.

Отдельные исследователи сопоставляют Симаргла с иранским божеством Симург (Сенмурв), священным крылатым псом, хранителем растений. По предположению Б. А. Рыбакова, Симаргл на Руси в XII—XIII вв. был заменен богом Переплутом, имевшим то же значение, что и Симаргл. Очевидно, Симаргл был божеством какого-то племени, подвластного великому киевскому князю Владимиру.

Пантеон языческих богов в Киеве. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Не менее загадочно имя идола Мокоши — единственной женщины среди божеств киевского пантеона. Мокошь почиталась на Руси и в некоторых других местах Славящины, на что указывают названия местностей (Макошино на Черниговщине, Мокошин у чехов). Рассмотрение исторических источников и различных народных поверий у славян, а также этимология слова *Мокошь* (связывают с общеславянским *мокрый*, *мокнуть*) наводит на мысль о том, что Мокошь олицетворяла богиню воды, дождя, грозы, следовательно, и плодородия, подобно украинской Марене (богине воды и весны) и Великой богине славян.

По народным верованиям Мокошь (Мокоша, Мокша) была также теснейшим образом связана с овцеводством и женским хозяйством и считалась спутницей Велеса (Волоса) в народном быту. Она будто бы помогала прясть пряжу (издавна женское занятие), сама же была невидимой и о ее присутствии свидетельствовало лишь жужжание веретена. В связи с тем что в разных церковных поучениях Мокошь упоминалась рядом с рожаницами, девами жизни, ее считали также покровительницей рождаемости.

Мокошь еще долго почитали после 988 г. На это указывает хотя бы один из вопросников XVI в., по которому церковник на исповеди обязан был спрашивать женщину: «Не ходила ли еси к Мокоше?». Богине Мокоше (позже Параскеве Пятнице) приносились в жертву снопы льна и вышитые полотенца.

Велес — Волос. Договоры Олега и Святослава с греками засвидетельствовали почитание восточными славянами еще одного языческого бога Велеса, или Волоса, бога скота. В летописи сказано, что князья со своей дружиной присягали Перуном и Велесом: «по закону русскому... клялись те своим оружием и Перуном богом их, и Волосом богом скота».

Из письменных памятников известно, что Велесу в различных местах Руси ставили деревянные и каменные подобия. Идол его стоял и в Киеве, однако не на холме против княжеских хоромов, а на Подоле, на берегу речки Почайны. Об этом свидетельствует хотя бы «Житие Владимира», в соответствии с которым киевский князь «Волоса идола, его же называли скотым богом, повелел в Почайну реку сбросить».

Учитывая, что в христианские времена Велеса сменил культ св. Власия, также покровителя скота, исследователи размещают капище Велеса на месте церкви св. Власия (ведь, по летописи, церкви строили на месте языческих капищ). Церковь св. Власия, сгоревшая в 1651 г., находилась в северной части Подола, приблизительно за ул. Нижний Вал, возле деревянной церкви Введения Богородицы. Предполагают, что нынешняя Волошская улица на Подоле в древности подходила к капищу Велеса, откуда и получила свое название.

Не вызывает сомнений, что в отличие от Перуна Велеса можно считать богом более демократических слоев населения. Ведь капище его находилось на Подоле, где жили купцы, ремесленники и простой люд. Летопись называет Велеса богом скота, а поскольку в старые времена главной собственностью был именно скот, то его считали также богом богатства, а отсюда делался вывод, что Велес — покровитель купцов и торговли, то есть бог торговой Руси.

По народным поверьям и песням Велес также бог, помогающий земледельцам. Так, во время жатвы «Велесу завивают бороду» (обычай украинских жнецов за-

вязывать в начале жатвы или в конце ее пучок несрезанных колосьев) или дарят ему на бороду сноп золотистых колосьев. В честь бороды пелись обрядовые песни типа «Ой чья же то борода черным шелком увита, серебром-золотом увита», широко распространенные на Украине и в России.

Такие черты у Велеса видели крестьяне. Для дружинников Велес являлся покровителем певцов-поэтов, книжником, родоначальником песенного творчества (в «Слове о полку Игореве»), богом музыки и песен. Легендарный певец Боян является внуком Велеса. Недаром И. И. Срезневский считал Велеса богом солнца и сравнивал его с Аполлоном, который в греческой мифологии считался богом муз.

Культе Велеса, которым, по летописи, клялась вся Русь, был широко распространен во всех славянских землях. Его славили не только в Киеве и Новгороде (одна из улиц которого надолго сохранила название Волосова, где, по преданию, стоял идол Велеса). В одной словацкой песне поется: «пасли овцы велесы».

С принятием христианства культ Велеса был уничтожен, идолы свержены, а в крестьянском быту роль покровителя скота перенесена на св. Власия. Невзирая на церковный запрет почитать языческих богов, имя Велеса (Волоса) упоминается в древних памятниках наряду с Перуном, Хорсом, Мокошью и др., которым еще долго молились простые люди на Руси.

Память о Велесе осталась во многих географических названиях славянских народов (названия сел, местностей, озер, улиц).

Ладо. Купало. Коляда. «Повесть временных лет» называет главных языческих богов древней Руси в Киеве Перуна, Велеса, Хорса, Даждьбога, Стрибога и Мокошь. Густынская летопись, раздел которой о Владимировых богах позже вошел в состав «Синописа» 1674 г., называет в Киеве и других идолов. Это Позвизд, Ладо, Купало и Коляда. Позвизд, или Похвист, которого еще называли Вихрем, был богом воздуха, погоды и ненастья. Ладо — бог веселья, благополучия и брака. Ему приносили жертвы вступающие в брак. Поэтому Ладо часто упоминался в свадебных песнях. Согласно упомянутым источникам, от Лада зависело счастье семьи, рождение детей. Одновременно он — бог весны и любви.

Его женой была Лада, которая в народных песнях воспевалась как богиня материнства. Она выступала в образе красивой женщины, украшенной цветами и колосьями, лучами солнца.

Купало — бог земных плодов, праздник которого отмечался в начале жатвы. Ему приносили жертвы возле озер и различных источников во имя плодов земных. Иногда ему в жертву приносили людей, топили их в воде. Остатком жестокого обряда является обливание людей водой во время праздника, который позже стал называться Иваном Купалой.

Другой идол, упоминаемый в Густынской летописи, — Коляда. Праздник в его честь происходил 24 декабря в виде игрищ с песнями, воспевавшими Коляду. Особенностью праздника являются различные маски и действия, которые летопись называет «богопротивными мерзостями».

О празднике Коляды — зимнем торжестве в честь возрожденного солнца, который сохранил в основе яркий языческий элемент, — следует сказать несколько подробнее. Суть праздника состояла в определенных аграрно-магических обрядах: пожелания будущего урожая и достатка (посыпание зерном, ряженье и вождение козы, коня, медведя) как отголоски языческого обожествления животных, хождение с плугом (символическая пахота), новогодние гадания (предсказание урожая и приплода скота), величальные песни хозяину и его семье, поэтизирующие нелегкий сельский труд.

Обязательным припевом в таких песнях (колядках) является слово *коляда*, унаследованное еще с дохристианских времен. Исследователи славянской мифологии считают, что такие припевки не случайны, а непосредственно связаны с величанием солнца. Недаром в имени Коляды усматривают славянский корень *коло* (*колесо*, *солнце*), который наиболее достоверно объясняет происхождение этого древнейшего славянского слова. С ним связан и глагол *колядовать*, то есть собирать на жертву богам. Ведь когда-то колядование для земледельца было важным магическим действием, суть которого заключалась в заклинании урожая. Такой является известная колядка «Солнце, месяц и дождь — гостями у хозяина».

В языческие времена обряд состоял в хождении людей во главе со жрецами (функции которых позже перешли на современного вожака колядников — Березу)

для прославления божества зимнего солнца — Коляды, в сборе различных приношений для общей жертвы рождающемуся солнцу, о чем свидетельствуют остатки этого ритуала в отдельных местностях, а также обряд древнего жертвоприношения в одной из старинных колядок — «За рекою, за быстрою огни горят великие».

После принятия христианства народные боги с течением времени были забыты, а праздник в честь Коляды церковники приурочили к рождеству, к зимним святкам. Именем Иисуса Христа заменялось языческое божество рождающегося солнца — Коляда, именем девы Марии — древняя мать солнца. Но невзирая на запрет церкви величать и почитать Коляду, воспоминания о давнем божестве еще долго жили в народном сознании, а отсюда и в народных песнях — колядках.

Заметим, что названные языческие боги древней Руси и Киева, кроме указанных памятников письменности, упоминаются также в древнерусских житиях князя Владимира (в украинских переводах XVII в.) и в Четвях-Минях Димитрия Туптала.

«Слово об идолах». Сведения о древних верованиях киевлян (а в широком понимании — восточных славян) в памятниках письменности указывают на несколько периодов языческого мировосприятия древних. Первоначально они поклонялись озерам, колодцам и рощам, небесным светилам и лишь позднее стали представлять грозных богов в человеческом облике (антропоморфные божества).

Интересно, что периодизацию истории славянского язычества предложил еще в начале XII в. киевский книжник. По мнению исследователей, он происходил из митрополичьих клирошан Киевской Софии, ставшей центром борьбы с язычеством и двоеверием на Руси. Направляясь по делам русской митрополии к константинопольскому патриарху, книжник в пути заинтересовался греческим текстом «Слова Григория Богослова», перевел его, кое-что опустил и сделал ряд дополнений о русском язычестве, его мифологии и обрядах. Так возник древнерусский текст «Слова о том, как язычники поклонялись идолам и приносили им жертвы» («Слово об идолах»).

В первом обширном дополнении говорилось о том, что славяне продолжали молиться старым языческим

богам и приносили им жертвы. Перечисляются вилы, Мокошь, Дева, Перун, Хорс, Род, Рожаницы, упыри, берегини, Переплут и Сварожич. Указывается на разные обычаи — питье из рогов, баня для предков, обрядовое печенье...

Другое дополнение относится к периодизации славянского язычества. Вначале, отмечает автор «Слова», древние почитали упырей и берегинь, что, по мнению Б. А. Рыбакова, осмысливается как дуалистический анемизм далекой первобытности, когда люди верили в духов, думали, что божество живет в образе духов в предметах и явлениях, а скалы, растения и животные имеют бессмертную душу. Позже распространился культ рода и рожаниц, которым приносились жертвы и устраивались пиры в их честь. В исследованиях Б. А. Рыбакова Род — древнее земледельческое божество Вселенной, а рожаницы — божества благополучия и плодородия. Род — верховное божество неба и земли — распоряжался такими стихиями, как солнце, дождь, грозы, воды. Праздник Рода и рожаниц — это праздник урожая по окончании обмолота.

Позже появился на Руси культ Перуна, заменившего старых богов. Бог грозы и молнии стал государственным культом Древней Руси в связи с развитием дружинно-военного элемента в обществе.

С введением христианства язычество, по словам автора «Слова об идолах», отступило на «украины», где люди и в его время молились «проклятому богу Перуну», а также Хорсу, Мокоше и вилам, однако делали это тайно. Последний период характеризуется как двоеверие, с которым церковники вели упорную и длительную борьбу.

Культе Рода. Такова периодизация славянского (русского) язычества от первобытного анимизма до государственного культа Перуна IX—X вв. По мнению Б. А. Рыбакова, весь огромный промежуток времени между ними был заполнен стойким культом Рода, бога Вселенной, природы и урожая. Церковные писатели Древней Руси, группировавшиеся при митрополичьей кафедре Киевской Руси, признавали Род как бы соперником христианского бога-творца. По представлениям древних, Род находился на небе, распоряжался дождем и молнией, с ним связаны источники воды на земле, под-

земный огонь. От него зависел урожай земледельца (слово *урод* в восточно-славянских языках употреблялось в значении *урожай*). Род дает жизнь всему живому, а отсюда целый ряд понятий: *народ, природа, родня, родить, рождать, рожаницы*.

Древность культа Рода засвидетельствована уже автором «Слова об идолах», по которому культ Рода — религия чуть ли не всего старого света. Культ его сопоставлялся с культом Озириса (божеством воскресающей и оживающей природы) и Артемиды.

Отдельные исследователи понятие Рода связывали с солнцем, Дедом-Всеведом, наивысшим верховным божеством. И эта связь неслучайна. Древний земледelec в период грозных июльских дней со страхом смотрел на небо, солнце, от которых, по его представлениям, зависела судьба выращенного урожая.

С именем Рода связывается название древнего города Родня (Родень), который вначале (VII—VIII вв.) был племенным культовым центром всемогущего небесного божества в районе древнейшей цивилизации славянства. Именно здесь, на реке Рось (приток Днепра), и жило древнее племя русь, от имени которого пошло название народа и целой страны. С основанием же в Киеве единого языческого пантеона, а также во времена двоеверия, Род стал покровителем семьи, родных и духом-привидением, о чем сохранились упоминания в древних памятниках литературы.

Древний языческий бог славян, творец мира Род пережил почитание дружинного Перуна и после введения на Руси христианства часто упоминался церковными проповедниками в их ожесточенной борьбе с культом животворного божества, которому население Руси упорно поклонялось и продолжало приносить жертвы («а еще Роду и рожанице крають хлебы, и сыры, и мед»).

Анализ «Слова об идолах», проведенный Б. А. Рыбаковым, рассмотрение всей хронологии язычества, археологические материалы позволили ученому наметить основные вехи в истории дохристианской религии. После первобытного охотничьего анимизма получают распространение аграрные культы, связанные с богиней-матерью (или даже в двумя богинями). Возможно, упоминаемые позже рожаницы заменили собой древнюю богиню жизни. Культ единого мужского божества воз-

ник не ранее II тысячелетия до н. э. Культ Рода существовал довольно долго, был распространен и в Киевской Руси, невзирая на введенный Владимиром культ Перуна, а затем и христианства. Культ Рода соответствовал у славян такой же земледельческий культ Сварога, бога неба, властелина всего мира.

Замена одних богов другими (например, Рода и Сварога Перуном) в определенные периоды развития человеческого общества была характерной для многих народов. Особенно яркий пример этому находим в греческой мифологии, где видим замену верховного бога Урана Кроносом, а Кроноса Зевсом.

Дары богам. Из приведенного летописного рассказа 980 г. и свидетельствований других древних памятников ясно, что языческие божества в древнем Киеве изображались в виде людей, имели их облик. Об этом же свидетельствуют находки каменных статуй богов на Подольи и в Новгороде, а также сообщения Ибн-Фадлана о поклонении купцов-русов главному идолу с лицом, похожим на человеческое.

Чтобы умиловать богов, наши далекие предки приносили им, а также духам умерших предков и обожествляемым предметам различные дары.

В основе жертвоприношений лежат представления о вмешательстве божеств в жизнь и деятельность людей. Божествам подносили в дар первый урожай, первый приплод. По свидетельству Густынской летописи, идолу Перуну, стоявшему в Киеве, приносили различные жертвы и пламя огня: «ему же, как богу, жертву приносили и огонь неугасающий из дубового дерева постоянно палили». Божествам предназначались в дар также пахучие цветы, венки из них, травы. По сообщению Константина Багрянородного, руссы, приезжавшие на остров Хортица, возле огромного дуба приносили в жертву живых петухов, а также хлеб, мясо и все остальное, что было у них. По Ибн-Фадлану, руссы своим богам жертвовали овец и быков.

О жертвах заклания упоминает еще Прокопий Кесарийский, который говорит, что славяне с VI в. поклонялись богу молнии, приносили ему в жертву быков и другие дары. Такими жертвами люди словно ублажали богов, спасая свою жизнь.

Смерть варяга-христианина и его сына. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Иногда жертвенный обряд принимал жестокие формы: в жертву приносили живых людей, в частности детей. Об этом ясно говорит Нестор в «Повести временных лет», вспоминая жертвы заклания в Киеве на Перуновом холме в 980 г.: «И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот». В приведенном примере имеется в виду именно заклание людей, иначе Нестор пролитие крови не назвал бы осквернением земли.

В другом месте (под 983 г.) Нестор уже прямо указывает на человеческие жертвоприношения Перуну в Киеве. Когда Владимир после победы над ятвягами возвратился в Киев, «то стал он приносить жертвы кумирам с людьми своими». И сказали старейшины и бояре: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам». Жребий выпал на сына одного варяга-христианина. Пришли люди и сказали: «На сына де твоего пал жребий. Избрали его себе боги, чтобы мы принесли жертву богам». Но варяг называл языческих богов простым деревом и отказался от-

дать сына идолам. Разгневанные люди подсекли сени под непокорными и убили их.

Варяг Тур и его сын Федор открыто выступили против жертвоприношений киевским богам, которые, как указывает летописец, сделаны человеческими руками из дерева, и которые не едят, не пьют и не говорят. То был отказ покориться официальному дружинно-княжескому культу.

Таким образом, человеческие жертвы в Киеве существовали. Это подтверждает, между прочим, и более поздняя проповедническая литература, по свидетельству которой память о грозном и жестоком культе не умерла. В «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион, крупнейший писатель-публицист XI в., подтверждает существование человеческих жертв таким выражением: «уже не закалываем бесам друг друга». Подобное высказывание находим в проповеди Кирилла Туровского. О принесении в жертву пленных и детей руссами (воинами Святослава) свидетельствует византийский писатель X в. Лев Диякон.

Жертвы заклания у славян имели двойкий характер: освящения и дара, приношения с надеждой быть вознагражденным божествами чем-то большим, нежели само подношение.

По мнению исследователей, жертвоприношения у восточных славян производились ежегодно на праздниках в честь богов, а также в иных случаях, когда необходимо было умиловить богов во время различных важных событий в жизни государства, например после битвы, похода, при похоронах и т. п. Отдельные жертвоприношения производились и ежедневно, вне связей с культами того или иного приурочения. Имеются в виду требы домашним богам. Были и многие другие обряды и религиозные праздники местного характера, при которых торжественное служение производилось довольно часто.

Во время жертвоприношений происходили гадания, целью которых было узнать волю богов. Гаданием часто определяли жертву. Такое зафиксировано в «Повести временных лет» под 983 г., когда принесение богам человеческих жертв в Киеве определялось жребием. Жребий бросали на отроков и девушек. Кому он выпадал, того и приносили в жертву, поскольку она считалась избранной богами.

Жребий. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Волхвы. При языческих обрядах, их свершении первое место принадлежало жрецам как исполнителям воли богов, приближенных к ним, и хранителям тайн веры. Древнерусская летопись называет людей, обслуживавших религиозные потребности языческой Руси, волхвами, ведунами, кудесниками. В летописи есть немало свидетельств о том, что будто бы в ведении волхвов были таинственные чары, они знали скрытые тайны природы и были словно посредниками между богами и людьми.

Старейшая летописная весть о волхвах (действие происходит в Киеве) относится к 912 г. Речь там идет о кудесниках, один из которых предрек смерть Олегу от его любимого коня. Понятия *волхв* и *кудесник* в рассказе тождественны. «И спросил Олег когда-то волх-волхвов и кудесников: «От чего я умру?». И ответил ему один кудесник: «Князь! От коня твоего любимого, на котором ты едешь, от него тебе умереть». Прошло четыре года. Олег возвратился из похода на Царьград и вспомнил на пятое лето о коне, от которого волхвы пророчили ему смерть. Князь сказал, что неправду говорят волхвы, то их ложь, ведь конь умер, а он жив. Но летописец замечает, что пророчество волхвов все-таки

сбылось. Олег умер от укуса змеи, которая выползла из черепа коня.

Интересно, что по этой же летописи Олег был назван Вещим, потому, что были тогда «люди язычниками и непросвещенными». Сам язычник, близкий к вещеваниям волхвов, Олег умер от их пророчества. В данном случае побеждает вера в сверхъестественную силу волхвов.

Из рассказа же под 980 г. вытекает, что в капище на Перуновом холме главную роль играли жрецы-волхвы. Недаром в Густынской летописи записано, что жрецы при киевском капище были обязаны поддерживать перед Перуном неугасимый огонь, а жрец, по вине которого пламя угасало, подлежал неумолимой смерти как враг бога своего.

О жрецах в Новгороде вспоминает новгородский епископ Иоаким. Он даже называет главного жреца новгородцев по имени — Богомилом, отмечая при этом, что его за сладкоречие прозвали Соловьем. Этот жрец в 988 г. призвал новгородцев выступить против крещения за сохранение старой веры.

После введения христианства жрецы подались в дебри. Вместе с ними, по сообщению В. Н. Татищева, пошли в пустыню и леса киевляне, не пожелавшие оставлять веру в старых богов. Постепенно волхвы становились знахарями, лечившими больных, предсказывали будущее, хранили знания предшествующих поколений. Однако они не утратили влияния и значения для простого народа и при любой возможности выступали против христианской религии. Нередко они становились во главе народных выступлений против новой веры и против привилегированных слоев феодального общества. Известно, что в 1024 г. во время голода волхвы подняли восстание в Суздальской земле, убивали богатых людей, считая их виновниками несчастья. Услышав об этом, Ярослав Мудрый пришел из Киева в Суздаль, захватил волхвов, одних отправил в изгнание, а других казнил.

По мнению Е. В. Аничкова, вера в могущество и всезнание волхвов была настолько сильной и так укоренилась, что даже летописец Никон не только не отрицает их прозорливости, но и сам рассказывает о случае с предсказанием одного волхва, появившегося в Киеве в 1071 г. Волхв, «одержимый бесом», говорил, что «на

Волхв предсказывает Олегу смерть от коня. Миниатюра Радзивилловской летописи.

пятый год Днепр потечет обратно и земли начнут перемещаться, что Греческая земля займет место Русской, а Русская — Греческой, и прочие изменят свое местоположение». Среди народа нашлись «невежды», которые слушали его и верили его словам. Однако в одну из ночей он пропал без вести. Очевидно он был убит сторонниками христианской религии. Слова летописца, приведенные В. Н. Татищевым («и многие безумные вероваша»), указывают на то, что в Киеве, невзирая на принятие христианства, еще во второй половине XI в. было много людей, которые тянулись к языческой вере. Появление волхва в Киеве — то последняя попытка повлиять на различные слои городского населения, в частности на феодальные круги Киевского государства.

Со временем волхование стало народным, обывательским. Оно держалось еще довольно долго в отдаленных от центра местах. Недаром в XVII—XVIII вв. священники на исповеди обращались к мирянам с таким вопросом: «не ходил ли к волхвам, не водил ли волхвов в дом?».

Важную роль в знахарстве играли женщины. Отзвуком глубокой языческой старины является имя Потво-

Смерть Олега от своего коня. Миниатюра Радзивилловской летописи.

рина (или Повториня), начертанное на шиферном пряслице XII в., найденном в Киеве близ Софийского собора. По мнению Б. А. Рыбакова, пряслице принадлежало чародейнице, «потворы творившей», то есть занимавшейся волхованием и волшебством в Киеве. По Ф. П. Филину, Потвориня действительно «скорее всего значило чародейка, умелица».

Следует напомнить, что функции жреца часто выполнял сам князь. Это засвидетельствовано древними памятниками письменности у славян. Да и сага об Олафе Трюгвиссоне передает, что князь Владимир лично принимал участие в жертвоприношениях богам в храме на Перуновом холме в Киеве.

Изображения жрецов можно видеть уже на серебряных бляшках Мартыновского клада середины VI в. (Киевщина). Это усатые мужчины с волосами до плеч, одетые в подпоясанные с вышитой вставкой на груди рубахи с длинными рукавами и узкие штаны, заправленные в сапоги. Руки на поясе, ноги широко расставлены и согнуты в коленях, что придает фигуре вид танцующего человека. Но выражение лица серьезное, даже суровое и указывает, что это не развлечение, а серьезное действие, возможно, ритуальный танец.

Исаакій танцует под музыку бесов — игру на свирели, гусях и бубне. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Похожим является изображение мужчины на одной из подвесок с Киевщины. Внутри круга помещена фигура танцующего человека с волосами до плеч, с полусогнутыми в коленях ногами и в рубахе с широкой вышивкой на груди, как и на мартыновских бляшках. Изображения жрецов находим на некоторых фибулах VII в. из Киевщины. Это бородатые мужчины — типичные представители славян-русов Среднего Поднепровья.

Изображения волхвов можно видеть на миниатюрах Радзивилловской летописи. Это, в частности, сцены, связанные со смертью Олега от коня, принесение жертвы с помощью жребия, разговор волхва с князем Глебом в Новгороде и др. Здесь волхвы в длинных одеждах, с волосами, спадающими на плечи, и бородами.

Игрища. У языческих славян праздники в честь богов сопровождались различными играми, процессиями, танцами под песни и музыку, иногда с ряжением. Об игрищах и танцах как составной части языческого богослужения у восточных славян сообщает летописец уже в

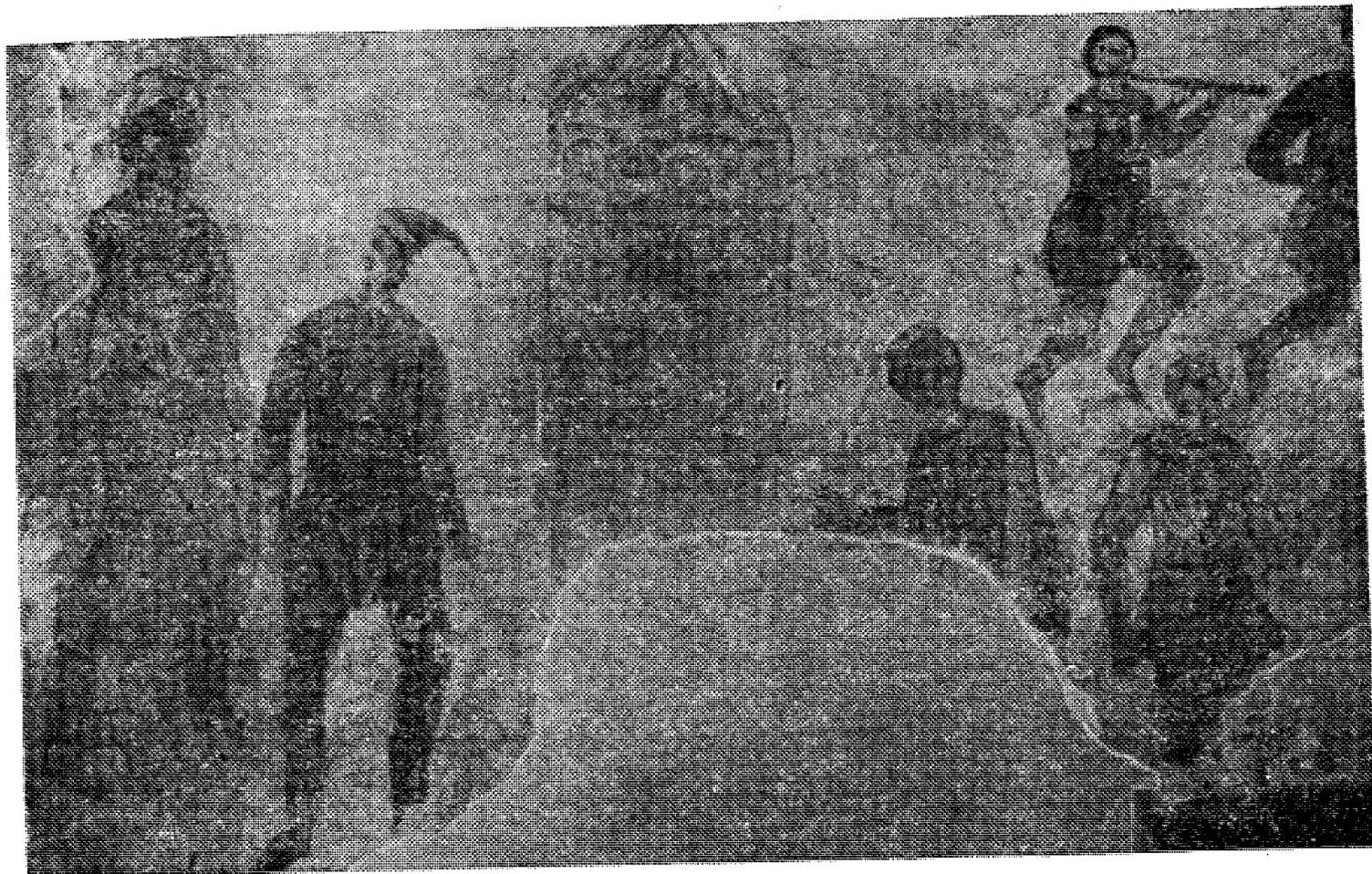
начале «Повести временных лет»: «И сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни». Такие игрища продолжались и после принятия христианства. Под 1015 г. летописец отметил: «Горе городу тому, в котором князь юн, любящий пить вино с гуслиями вместе с молодыми советниками», из чего можно сделать вывод, что княжеские пиры в древнейшие времена сопровождались музыкой.

О языческих игрищах и танцах как наследии язычества рассказывает летописец после сообщения о нападении в 1068 г. на Русь половцев, считая приход чужеземцев следствием грехов христиан (в том числе и киевлян), продолжавших придерживаться старых обычаев, различных примет: «вводит в обман дьявол, всякими хитростями отвращая нас от бога, трубами и скоморохами, гуслиями и русалиями. Видим ведь игрища утопанные, с такими толпами людей на них, что они давят друг друга, являя зрелище бесом задуманного действия, — а церкви стоят пустые». Здесь летописец прямо выступает против распространенного тогда обычая проводить праздники в играх и плясках.

О том, что музыка (гудьба), танцы, песни бесовские — языческие игры и «жертвы идольские», довольно ясно сказано в «Слове некоего христолюбца». Музыка и танцы были обычным развлечением при дворах киевских князей. В «Житии Феодосия» рассказывается о том, как пройдя в палаты к Святославу, увидел он, что перед восседавшим князем играло много музыкантов: «Одни бреньчали на гуслиях, другие гремели в органы, а иные свистели в замры, и так все играли и веселились, как это в обычае у князей». Увидев неудовольствие Феодосия, князь велел музыкантам прекратить игру. С тех пор, узнав о приходе блаженного, князь приказывал музыкантам прекращать игру.

Княжеские игры и забавы изображены на стенах Киевского Софийского собора. На одной фреске изображены танцоры и музыканты, акробаты и ряженые. Воссоздают фрески и поединок человека с ряженым зверем, праздник Коляды, конные соревнования.

Любовь руссов к играм и танцам специально поддерживалась скоморохами, которые во время праздников, народных игр и различных обрядов были их главными участниками и исполнителями песен и танцев. «Повесть временных лет» упоминает скоморохов уже в 1068 г.,

Скоморохи. Фреска восточной башни Киевской Софии.

хотя несомненно они существовали намного раньше. Вспомним знаменитые пиры Владимира Святославича в Киеве, где, по былинам, обязательно присутствовали и скоморохи. Безусловно, скоморохи были связаны с древнерусским язычеством. И не удивительно, что церковь вела постоянную борьбу со скоморошеством, начиная по крайней мере с середины XI в. Скоморохов называли дьявольскими слугами, их игры — бесовскими, а их действия — неугодными богу. Слушать скоморохов, смотреть их представления считалось одним из самых больших грехов.

Исследователи отмечают, что игрища были неотъемлемой частью богослужения язычников. Их начинали, как правило, после жертвоприношений. И главную роль играли тут скоморохи.

Кроме песен и игрищ, церковь сурово преследовала трапезы или пиршества, ведь они были непосредственно связаны с язычеством: трапеза — это одновременно и жертва. По словам Е. В. Аничкова, «почти каждое моление, каждая жертва, каждое справление того или другого праздника или просто обряда — все это было сопряжено с пиршеством... Принесение обильной жертвы и самая возможность совершать великое моление составляют главную надежду и центральную религиозную заботу человека».

Пир у киевского князя. Миниатюра Радзивилловской летописи.

Древняя бытовая трапеза — это важный элемент языческого богослужения. Отзвуком таких языческих трапез остались пиры князя Владимира, который, невзирая на принятие христианства, продолжал устраивать их на своем дворе в Киеве. «Каждое воскресенье, — говорит летописец, — решил он (Владимир. — Б. Я.) на дворе своем в гриднице устраивать пир, чтобы приходить туда боярам, и гридям, и соцким, и десяцким, и лучшим мужам, — и при князе и без князя. Бывало там множества мяса — говядины и дичины, — было в изобилии всякое яство». О пышных пирах Владимира рассказывают также былины, связанные с именем киевского князя и с самим Киевом. Недаром летописец вкладывает в уста князя-язычника (при выборе новой веры) выражение: «Руси есть веселие пить, не можем без того быть».

КИЕВСКИЕ КАПИЩА И СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ

Многие исследователи считали, что изображения языческих богов размещались под открытым небом. О храмах летописи не сообщают. Указываются лишь места, где стояли идолы. Например, в Киеве «на холме за теремным двором». Но уже митрополит Иларион в знаменитом «Слове о законе и благодати»

упоминает капища. В «Похвале князю Владимиру» Иоакова Мниха сообщается о том, что храмы идольские и требища [Владимир] всюду раскопал и посекал, а идолов сокрушил. О том, что идолы в Киеве находились в строении («храме») рассказывает и сага об Олафе Трюгвиссоне. «Олаф,— сказано там,— никогда не чтил идолов и всегда старался так поступать. Все-таки он часто сопровождал конунга в храм, однако никогда не входил туда, а стоял снаружи у дверей» (до тех пор, пока Владимир не заканчивал жертвоприношения своим богам). Необходимо отметить, что слово *капище* в древнерусском языке обозначает место жертвоприношений, где стояли идолы; *требище* — жертвенник, храм.

Из сказанного вытекает, что во времена дохристианских верований у восточных славян все же имелись культовые сооружения — капища и требища. Два таких капища, бывшие главными святилищами языческой Руси, исследованы в Киеве в 1908 и 1975 годах.

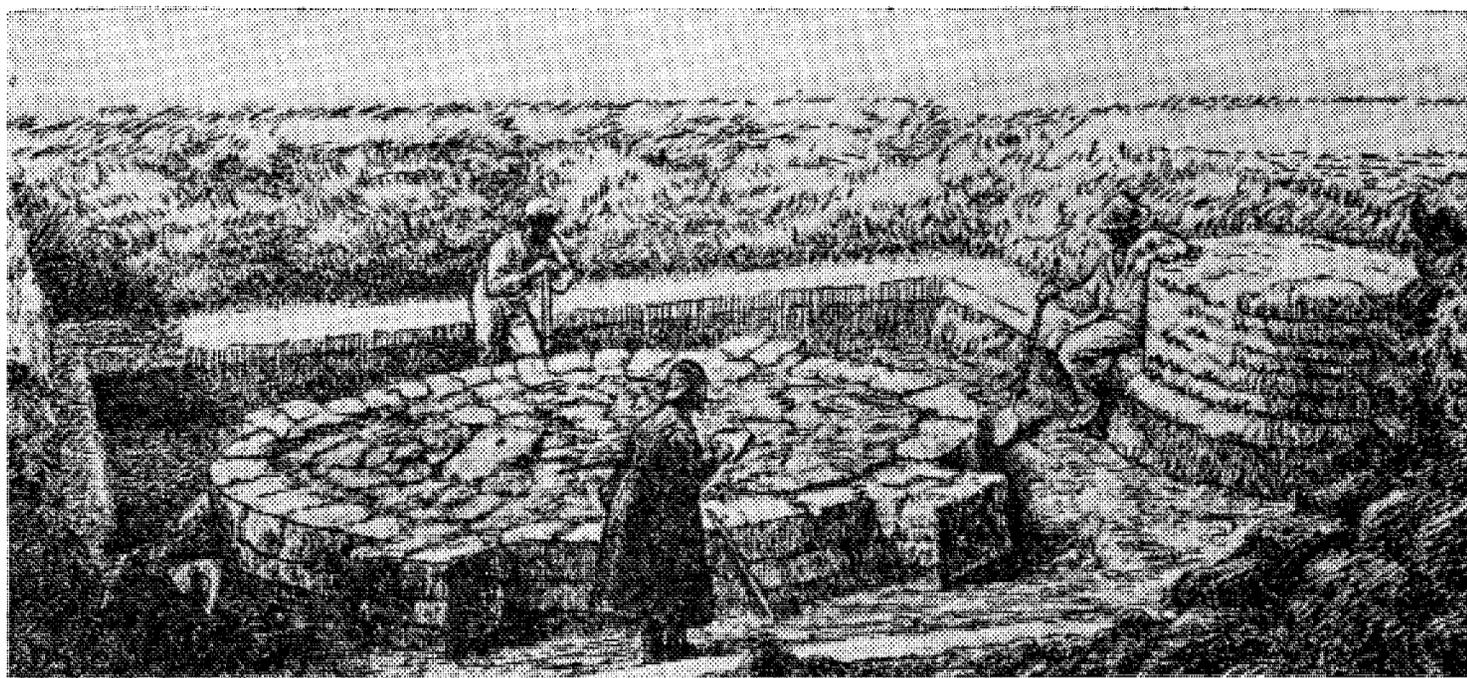
Капище Перуна. Капище, раскопанное в 1908 г., находилось в центре древнейшего городища на Старокиевской горе (у входа в современное здание Государственного Исторического музея). Раскопал его известный киевский археолог и ученый В. В. Хвойко.

Киевское капище было большим культовым центром, вероятно, всего полянского княжества. Сооружение найдено на глубине 2,9—3,2 м от современной поверхности. Время сооружения датируется VI—VII вв. От древнего сооружения сохранился лишь каменный фундамент, состоявший из разных по величине камней серого песчаника, принимавших иногда причудливые очертания, а иногда имевших сквозные отверстия. Камни эти были сложены на глине, образуя эллиптическую фигуру (4,2 м длиной и 3,5 м шириной), имевшую с четырех сторон по одному четырехугольному выступу (0,7—0,8 м длиной), которые были обращены по сторонам света. Вокруг сооружения находился местом хорошо уцелевший пол, вылепленный из толстого слоя беловатой глины с тщательно сглаженной поверхностью. С западной стороны этого фундамента был обнаружен большой массивный столб, в котором слои сильно пережженной глины чередовались с прослойками золы и угля. Вокруг столба найдено много костей и черепов животных, преимущественно домашних.

Совокупность всех данных, полученных при раскопках, позволила отнести сооружение к языческому времени. По мнению В. В. Хвойки, остатки постройки «принадлежат славянскому языческому капищу, а столб представляет жертвенник, на котором в течение продолжительного времени совершались жертвоприношения, на что указывают многочисленные кости животных и слои глины, чередующиеся с прослойками золы и угля. Последнее можно объяснить тем, что временами жертвенник выравнивался и на его место накладывался новый слой глины, почему в конце концов и образовался массивный столб».

Вот и все описание исследованного В. В. Хвойкой капища. К сожалению, раскопки не были охарактеризованы определяющими находками (хотя бы обломками керамики), не были документированы они и фотографическими снимками, а лишь одним рисунком, впервые опубликованным К. В. Болсуновским в 1909 г. в книге «Жертвенник Гермеса-Световида, открытый в 1908 г. в Киеве».

К. В. Болсуновский писал, что рисунок капища ему любезно предложил В. В. Хвойка. По его словам, рисунок является «точным изображением самого жертвенника, открытого на значительной глубине». Ученый, присутствовавший при раскопках, указывает, что жертвенник открыт на материке. «Это сплошная кладка, — писал он, — из неотесанных камней местной породы в форме эллипса, длиною до 7 аршин и шириною 5,5 аршин. Соответственно четырем сторонам горизонта с каждой из сторон сооружения находятся четыре выступа из крупных камней». Приведя эти слова, К. В. Болсуновский указывает, что в «таком виде жертвенник был открыт и осмотрен» участниками XIV Археологического съезда в Чернигове при возвращении их в Киев в августе 1908 г. По его мнению, сооружение было не только старательно выложено, но и обмазано (глиной), а это дает основания предположить, что «почти в таком виде язычники пользовались жертвенником при исполнении соответствующих ритуалов». К. В. Болсуновский указывал, что участники археологического съезда (среди которых присутствовали известные в то время ученые) определили сооружение, открытое В. В. Хвойкой, как фундамент «капища языческого времени, забытого и засыпанного после принятия христианства».

Капище. Раскопки 1908 г. Рисунок В. В. Хвойки.

К. В. Болсуновский утверждал, что языческое святилище связано с культом славянского бога Световида. «Открытый на Киевской горе жертвенник и очаг,— писал он,— должен быть рассматриваем как остаток фундамента, на котором стоял идол солнца Световид». Однако эта мысль ученого была лишь смелым предположением, не имевшим никаких оснований.

В июне того же 1908 г. местная газета «Киевская мысль» сообщала о капище как о «кирпичной кладке квадратной формы» и наличии жертвенника («перерубленные кости домашних животных, уголь и черепки, смешанные с землей»). По мнению корреспондента газеты, на этом месте могли не только происходить жертвоприношения, но и поминки, поскольку здесь найдены атрибуты, сопровождавшие древнерусские гризны.

Стоит напомнить и выступление известного историка И. А. Линниченко на XIV Археологическом съезде летом 1908 г., где он поставил вопрос о капище, открытом В. В. Хвойкой. По его словам, «это загадочное сооружение (чрезвычайно древнее) — небольшое, каменное. Форма его круглая, несколько вытянутая в овал, при диаметре около 6 аршин. Строение имеет четыре выступа по бокам. Внутренняя площадка круга выложена камнем. Вокруг же выложенный накат из глины».

И. А. Линниченко отметил «громадную толщину культурного слоя», который вырос над фундаментами постройки, а также то обстоятельство, что «камни сложены на простой глиняной подмазке (значит, строители

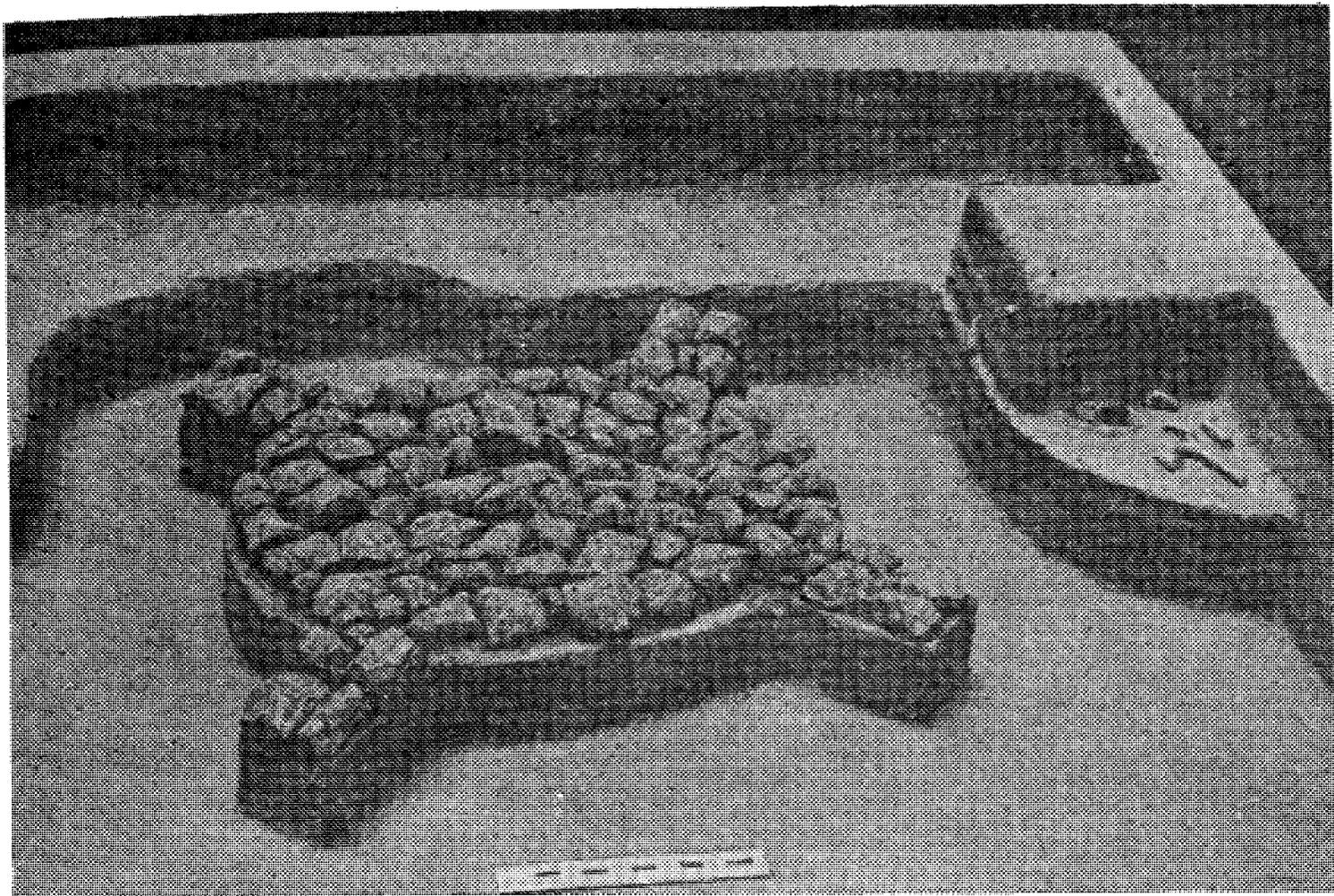
открытой площадки еще не знали применения извести)». Поэтому строение должно относиться к древнейшему времени — языческой эпохе. Открытое неподалеку от строения большое кострище с массой костей различных животных вокруг позволило ученому отметить, что обнаруженная древняя постройка имела религиозное значение: «это было капище языческого бога, которому здесь наши предки приносили жертвы». В другом месте И. А. Линниченко о древнейшей постройке на Старокиевской горе высказался так: «это языческое капище, где стоял идол (возможно, Перун) и где приносились жертвы».

Киевское капище привлекло внимание многих ученых. Л. Нидерле, сравнив киевский памятник с остатками языческого храма в Арконе, все же затруднялся ответить, было ли открытое в Киеве сооружение настоящим храмом или лишь святилищем под открытым небом, склоняясь более ко второму предположению. Святилищем под открытым небом называл киевское сооружение и известный исследователь языческих славян Ф. Пальм.

В то же время Н. И. Брунов рассматривал раскопанные В. В. Хвойкой остатки загадочного сооружения как фундаменты каменного языческого храма. Л. А. Динцес считал, что найденные при исследовании обгорелые колоды «позволяют предполагать то ли ограду, то ли деревянные стены». При этом он подчеркивал, что при масштабах капища и жертвенника храм должен быть очень большим. По его мнению, вполне вероятно, что открытый В. В. Хвойкой памятник был «требищем с требником перед капищем».

Л. А. Динцес отметил, что находящееся на территории Владимирового кремля (на мысе) капище топографически не совпадало с холмом «вне двора теремного», где Владимир Святославович соорудил святилище для общенародного почитания. По его убеждению, «новый общегосударственный пантеон богов» был специально поставлен на значительном расстоянии от более древнего капища дружинно-княжеского бога, которым мог быть Перун и перед которым клялись Олег, Игорь и Святослав.

Б. А. Рыбаков, описывая капище в Киеве, отметил, что по масштабам алтаря (размеры которого значительно больше, чем в прославленных храмах Арконы и

Капище. Макет. Государственный исторический музей УССР. Киев.

Ретры) это остатки огромного языческого храма. По его мнению, эллипс из камней со сквозными отверстиями (для стока крови) служил для заклания, а круглый жертвенник — для сожжения жертв.

Большой интерес, вызванный открытым В. В. Хвойкой памятником, в определенной мере его загадочность и отсутствие серьезного научного отчета о раскопках 1908 г., неудовлетворительность графической фиксации вынудили ученых в 1937 г. повторно подвергнуть его археологическим раскопкам, которые осуществил Ф. Н. Молчановский. По сравнению с раскопками 1908 г. были сделаны некоторые важные уточнения. Фундамент по форме напоминал неправильный прямоугольник с округленными каменными выступами с четырех сторон (по сторонам света). Сооружение состояло из неотесанных камней (преимущественно песчаника, гранитных валунов и нескольких камней красного кварцита), уложенных без раствора. Интересно, что ниже глиняного пола, который шел под каменную кладку с юга, в культурном слое были найдены фрагменты глиняной лепной посуды, глиняное пряслице, указывающие на раннее время сооружения капища (VI—VII вв.). На расстоянии одного метра на юг от каменной кладки

была обнаружена бесформенная груда пережженной глины, занимавшая площадь более полутора квадратных метров и бывшая остатком глиняного столба-жертвенника.

Принимая во внимание то, что капище исследовалось в 1908 г. и было частично разрушено (а это случается с археологическими объектами), нет никаких оснований усомниться в культовом характере сооружения. Раскопки 1937 г. внесли лишь некоторые уточнения, важные для датирования капища, зафиксировали его фотографически.

Немало внимания уделил изучению древнекиевского капища М. К. Каргер. По его мнению, сооружение это скорее всего должно сближаться с каменными выкладками, обнаруживаемыми иногда в основании древнерусских курганов, в частности в сопках, что позволяет рассматривать киевское сооружение как жертвенное место. Считая древнейшую территорию Киева на Старокиевской горе городищем VIII—IX вв., М. К. Каргер отмечал, что «капище и в VIII—IX вв. находилось не в центре поселения, а скорее на его окраине, на территории древнего родового могильника, уже заброшенного, но не вполне забытого».

М. К. Каргер подчеркивал, что Владимир Святославич в конце X в. построил новое святилище, поставил новых кумиров за границами городского вала, «вне двора теремного», в отдалении от древнего капища, тем самым словно отделив общегосударственный пантеон богов для общенародного почитания от более древнего капища, стоявшего на родовом полузабытом кладбище.

Как видим, суждения разных исследователей о древнерусском сооружении были единогласными в одном — это было языческое святилище, древнейшее в Киеве. По нашему мнению, святилище с жертвенником стояло под открытым небом. Такое предположение кажется более вероятным. Это, между прочим, подтверждают и миниатюры Радзивилловской летописи, где языческий кумир изображен на открытом пространстве.

Обнаруженное древнекиевское капище связывается с культом дружинно-княжеского бога Перуна, перед которым, по летописи, клялись Олег, Игорь и Святослав со своей дружиной. Он изображен на миниатюрах Радзивилловской летописи в тех случаях, где речь идет о событиях 907 и 945 годов.

Перунов холм. Завоевав великокняжеский престол в Киеве, князь Владимир Святославович в 980 г. проводит в масштабах государства религиозную реформу с целью политического объединения Руси под главенством Киева. Сплочению различных племен в единое государство и должно было способствовать создание в Киеве нового языческого пантеона шести главных богов Киевской Руси — Перуна, Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши. Среди них первым летописец называет Перуна — с серебряной головой и золотыми усами. Исследователи предполагают, что названные кумиры были верховными божествами таких восточно-славянских племен, как поляне, древляне, северяне, ильменские словены, дреговичи и кривичи. Кумиры были поставлены на холме «вне двора теремного», то есть за границами древнейших укреплений. Это место стало религиозным центром Древнерусского государства.

Вот как рассказывает летописец о создании нового языческого святилища в Киеве с главными божествами Руси: «И стал Владимир княжить в Киеве один, и поставил кумиры на холме за теремным двором: деревянного Перуна с серебряной головой и золотыми усами, затем Хорса, Даждьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. И приносили им жертвы, называя их богами, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, а жертвы эти шли бесам, и оскверняли землю жертвоприношениями своими. И осквернилась кровью земля Русская и холм тот».

Далее летопись повествует, что на холме, где стояли Перун и другие идолы, Владимир в 988 г. поставил церковь святого Василия (христианское имя князя Владимира). Это место старые историки Киева отождествляли с Васильевской церковью конца XII в. (Трехсвятительская). Основным доказательством связи местонахождения Трехсвятительской церкви с деревянным храмом Василия, а тем самым и с Перуновым холмом, служила близость церкви к въезду на Старокиевскую гору. С этим въездом, как считал М. К. Каргер, уже давно «без особых на то оснований» связывалось древнее летописное название Боричевого взвоза.

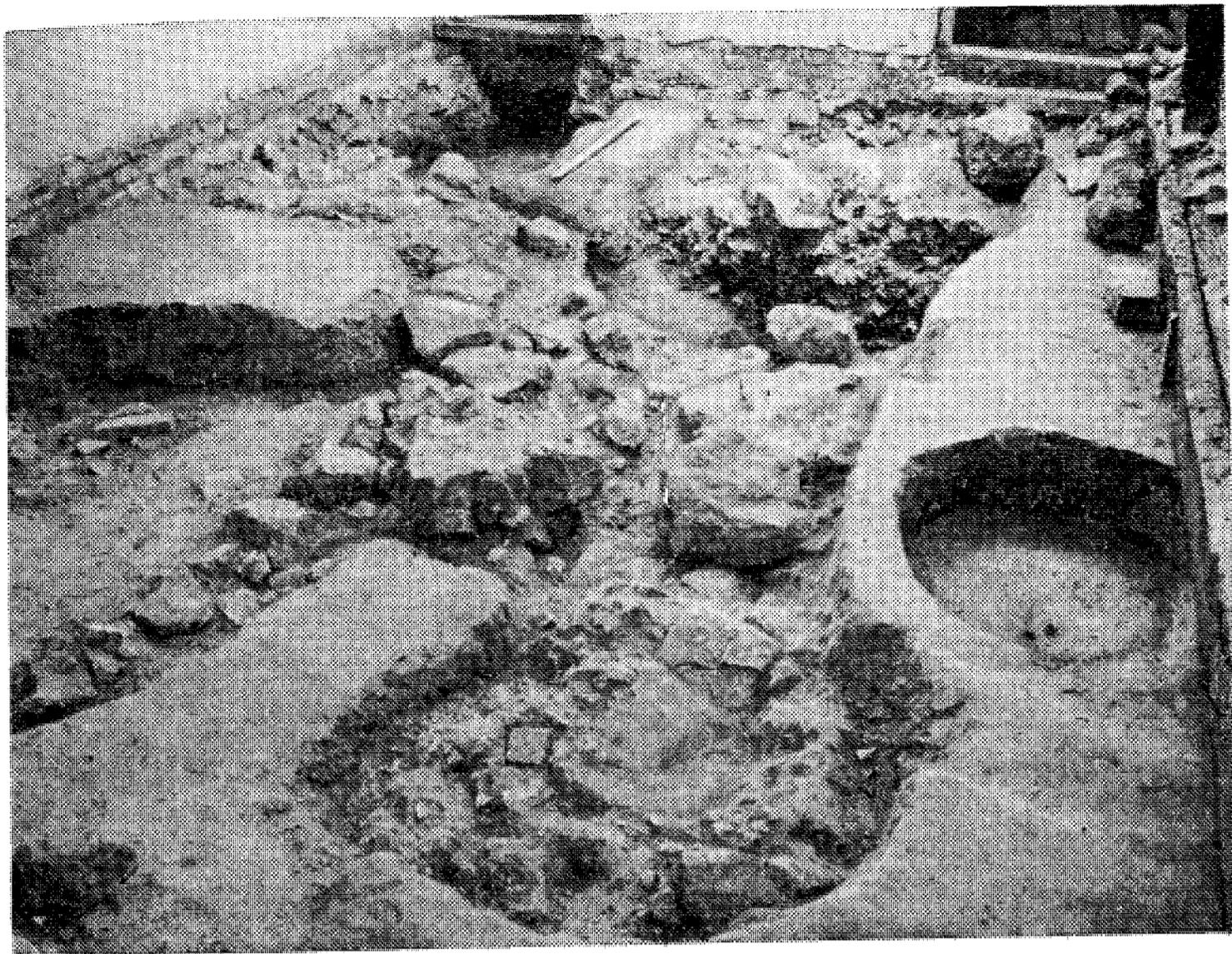
По летописному рассказу об уничтожении языческих богов в 988 г., Владимир приказал привязать сброшенного Перуна «к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью». Из этого делался вывод

о близости Боричева узвоза к Перунову холму. Однако, по мнению М. К. Каргера, отождествление крутого подъема, расположенного между Трехсвятительской церковью и Михайловским монастырем (на месте нынешнего фуникулера), с древним Боричевым взвозом «отнюдь не может быть положено в основу топографической локализации Перунова холма и древнейшей деревянной церкви Василия». Археологические исследования древнейшего киевского городища и некрополя привели к выводу, что под летописным Боричевым взвозом более правдоподобно усматривать нынешний Андреевский спуск, находившийся в непосредственной близости к древнейшему городищу, расположенному на северной оконечности Старокиевской горы.

Еще в конце XIX в. правдоподобное предположение о том, что Перунов холм находился возле Боричева взвоза на том месте горы, где ныне расположена Андреевская церковь, выдвинул известный киевский исследователь Н. И. Петров. Того же мнения придерживался и К. В. Шероцкий. Д. И. Блифельд убедительно доказал, что Боричев взвоз проходил по современному Андреевскому спуску. Да и по исследованиям М. К. Каргера церковь Василия (Трехсвятительская) не только не была остатками Владимирового времени, но и стоит совсем не на том месте, где находилась некогда древнейшая деревянная церковь, выстроенная Владимиром на Перуновом холме.

Таким образом, исследователи древнего Киева пришли к выводу, что языческие идолы нового пантеона стояли на холме над Боричевым взвозом, на месте нынешней Андреевской церкви. О том, что капище было расположено где-то близко от древнейшего городища, говорят и слова летописца, что Владимир поставил кумиров на холме «вне двора теремного». Дворы княжеские с каменными дворцами топографически хорошо известны по археологическим раскопкам. Двор теремной находился на краю Старокиевской горы (Андреевский спуск, 38) напротив Андреевской церкви. Таким образом, и знаменитый пантеон богов Владимира должен был находиться где-то поблизости от ансамбля княжеских дворцов конца X в., в районе пересечения современных Владимирской и Десятинной улиц.

Раскопки Киевской археологической экспедиции Института археологии АН УССР 1975 г., проводившиеся

Фундаменты капища X в. Вид с севера. Раскопки 1975 г.

в усадьбе № 3 по Владимирской ул., в самом центре так называемого «города» Владимира и неподалеку от летописного теремного двора и Боричевого взвоза, дали возможность уточнить мнение исследователей о местонахождении Перунова холма. Здесь несколько на юго-восток от Десятинной церкви были обнаружены остатки древнерусского святилища, о котором рассказывал летописец под 980 г.

Раскопками были открыты фундаментные рвы сооружения, вырытые в материковом лессовом грунте, засыпанные щебнем, обломками плинфы (древнерусского кирпича) и шифера, вперемешку с глиной и кусками цемянки. Здесь обнаружено несколько тысяч обломков широкоформатной тонкой (2—2,5 см) плинфы, относящейся к раннему времени (не позднее X в.). Заслуживают внимания несколько строительных блоков с плинфой и шифером, скрепленных цемяночным раствором. Это лицевые части кладки стены какого-то сооружения. Один из них — обломок восьмигранного столба. Обнаружено немало шиферных плит с обработанными гранями. Следы раствора на плитах свидетельствуют,

что они использовались в кладке постройки. Отдельные плиты могли служить для вымощивания пола. Найдено много голосников-резонаторов. Этот тип гончарной керамики использовался в монументальном каменном строительстве. Заслуживают внимания и многочисленные обломки штукатурки с фресковой росписью. Есть следы каких-то изображений (одежда человека и тому подобное).

Наличные строительные материалы в фундаментных рвах (плинфа и штукатурка с фресковой росписью, строительные растворы) по химическому составу близки к строительным материалам Десятинной церкви и дворца княгини Ольги, исследованного на Старокиевской горе в 1970—1972 гг. П. П. Толочко и В. К. Гончаровым. Можно полагать, что это остатки какого-то строения середины X в., возможно, раннехристианского храма, разрушенного во время Святослава Игоревича между 969—972 гг., когда после смерти Ольги началось гонение на христиан. Уточнение даты уничтожения такого храма находим в «Истории» Иоакима, епископа новгородского. Иоаким рассказывает, что воюя с греками на Дунае, Святослав потерпел поражение. Среди его дружинников распространился слух, что это христиане прогневили языческих богов. Святослав обрушился на христиан и убил даже своего брата Глеба, который не отрекся от новой веры. Считая виновными во всем священников, Святослав, по Иоакиму, посылает в Киев людей, «повелев храмы христиан разорить и сжечь, и сам вскоре пошел, желая всех христиан погубить». Это произошло после заключения мира с греками в июле 971 г. Погиб же Святослав от печенегов весной 972 г. Таким образом, уничтожение киевских храмов и могло произойти где-то между двумя этими датами.

Как видим, есть основания предполагать, что остатки разрушенного каменного храма могли быть использованы в 980 г. при сооружении Владимиром нового капища. Ведь фундамент языческого святилища действительно состоял из валунов, камня-песчаника, квадров кварцита, целых блоков стен с фресковой росписью, многочисленных обломков плинф, цемяночного раствора. Все это было в свое время скреплено глиняным раствором, как и более раннее капище, исследованное в 1908 г. В. В. Хвойкой.

Глубина залегания фундамента капища достигала одного метра, что указывает на его монументальность и величину. Христианский храм, материалы которого были использованы в фундаменте капища, мог находиться на месте более поздней киевской ротонды, построенной во второй половине XII в. В ее фундаментах также встречается строительный материал (плинфа, раствор) X в., аналогичный материалу из раскопок капища.

Изучение конфигураций фундаментов языческого святилища позволило воссоздать сооружение, в плане представлявшее прямоугольник ($7 \times 1,75$ м), вытянутый по оси север — юг с прилегающими к нему с севера, востока и юга шестью округленными симметричными выступами, на которых могли стоять пьесталы шести летописных богов. Выступы напоминают лепестки из новгородского святилища Перуна на Перыне X в. Строе-ние точно ориентировано по сторонам света, что является признаком культовых сооружений. Подобное наблюдаем и в капище VI — первой половины X в., четырехугольные выступы которого были обращены по сторонам света.

Признаком языческого храма является, между прочим, и обнаруженная несколько южнее (на расстоянии метра от сооружения) большая чашевидная яма-жертвенник с прослойками угля и золы, чередующимися с пластами пережженной глины. Исследование жертвенника дает основание утверждать, что в яме горело огромное кострище из дубовых дров. А это согласуется с сообщением Густынской летописи, по которой у капища Перуна поддерживался неугасающий огонь, причем в ритуальный костер бросали дубовое дерево. Подобные святилища в виде огромных ям, где постоянно горел огонь и приносились жертвы, известны по письменным и археологическим источникам у многих народов Восточной Европы.

Наблюдения над стратиграфией жертвенника не оставляют сомнений в том, что он образовался в результате горения ритуального кострища. Периодически это жертвенное место выравнивали и подсыпали глиной. По характеру оно очень напоминает обстоятельно исследованный в 1908 г. В. В. Хвойкой массивный столб-жертвенник, находившийся возле упомянутого уже каменного капища, на юг от него.

В яме-святилище найдено большое количество костей животных, в основном быков (91% всех костей), принадлежащих 13-ти молодым и взрослым особям. О принесении в жертву быков творцу молнии, главному богу антов—предков восточных славян, еще в VI в. н. э. упоминает византийский писатель Прокопий Кесарийский. Нет сомнений, что функции грозного антского бога позднее перешли к верховному богу Руси Перуну, властителю грома и молнии, главному богу князя и дружины. Из текстов договоров с греками мы уже видели, что дружины Олега, Игоря и Святослава присягали именем Перуна и что эта присяга постоянно присоединялась к традиционной клятве оружием.

О приношении русскими купцами в жертву богам быков и овец рассказал под 922—923 гг. арабский писатель и путешественник Ибн-Фадлан, наблюдавший обряд жертвоприношений в гавани Итиля на берегу Волги. Головы убитых животных подвешивали на дереве за идолами, часть же мяса раздавали, а другую оставляли между главным идолом и меньшими, стоявшими вокруг него. Главный идол представлял собой «длинное, воткнутое в землю бревно, у которого имеется лицо, похожее на лицо человека». Когда же с принятием христианства Перуна заменил Илья-Громовержец, в сельских местностях, по этнографическим данным, еще долго на праздник Ильи (20 июня) убивали общественного быка и варили пиво.

В жертвеннике найдены также кости свиней, птиц и рыб. Кабан, как известно, непосредственно связан с культом Перуна. Это же можно сказать и о петухах.

Кости животных, обнаруженные в жертвеннике, были аккуратно разрублены, следовательно, мясо жертвенных животных разделяли на части. Объяснение этому находим в северной саге об Олафе, где рассказывается о жертвоприношении Владимира. По мнению исследователей, он приносил жертву животными и принимал участие в священнодействии наравне со специальным жрецом-волхвом. При этом мясо жертвенных животных разделялось на отдельные части.

Значительный интерес вызывает находка в жертвеннике обломков типичной для X в. керамики, а в верхнем слое — боевого железного топора — символа грозного Перуна. Этим топором могли убивать жертвенных животных.

На юго-западе от остатков капища находилась современная ему округлая яма диаметром до метра. В яме отмечено около 12 ямок от тонких деревянных колышков, размещенных в определенном порядке по краям ямы и в центре. Такое же наблюдали ученые при исследовании одного из жертвенников древнепсковского городища.

Можно предположить, что яма с колышками связана с обрядом гадания — необходимой и важнейшей составной частью языческого богослужения славян. Особенно это относится к гаданию по жребью, которое заключалось в разгадывании различных не очень

сложных знаков. О гадании на трех деревянных щепочках, на которых одна сторона была белой, а другая — черной (белая обозначала удачу, черная — неудачу) рассказал Саксон Грамматик. На деревянных дощечках гадали жрецы в храме Штеттина. По Титмару, жрецы в Ретрском храме сидели и поочередно рыли землю и разгадывали по обнаруженным признакам, что должно случиться.

Вокруг культового сооружения найдены остатки ритуальных кострищ с пережженными и обгоревшими костями, углем и камнями, а также амулеты и предметы языческого богослужения. Таким является носившееся идолопоклонниками изображение из мамонтовой кости в виде двух сегментов месяца с отверстием в верхней части. Обнаруженные в сравнительной близости от капища указанные кострища являются, очевидно, остатками трупосожжений и жертвоприношений.

Раскопки, проведенные на север, восток и юг от фундаментов, обнаружили резкое падение уровня материка. Безусловно, это естественная крутизна холма, на котором находилось капище.

Наблюдения над характером заполнения фундаментных рвов свидетельствуют о том, что сооружение было

Железный топор из жертвенника.

преднамеренно разрушено. Из летописи известно, что это могло случиться в 988 г. И хотя в «Повести временных лет» нет прямых свидетельств о том, как Владимир отнесся к языческому храму (сказано лишь, что идолаы были сброшены, одни изрублены, другие сожжены), однако в том, что храм был разрушен, не может быть сомнений.

Каким же был первоначальный вид капища? Была ли это открытая площадка, где размещались статуи идолов, или здесь стоял настоящий языческий храм? О храмах летописи молчат. Однако упоминаются они в «Похвале князю Владимиру» Иоакова Мниха и в саге об Олафе Трюгвиссоне. В последней речь идет непосредственно о языческих богах в Киеве.

Можно предполагать, что обнаруженные нами остатки культового сооружения являются остатками храма, хотя размер жертвенника здесь был значительно большим, чем в других известных языческих храмах древних славян.

Однако не исключено, что киевское святилище могло представлять собой открытую площадку на прочном фундаменте, возвышавшемся над окружающей местностью, где на деревянных или каменных колоннах стояли идолаы почти в рост человека, а у их подножья горели жертвенные костры.

Священные роши полян. В общем культе природы у восточных славян-язычников особенно широко было распространено почитание священных животных и поклонение деревьям. Леса, роши считались жилищами богов, и возле отдельных деревьев (дубы, липы, березы), как в местах священных, поклонялись божеству. Часто места святилищ ограждались. Тут происходили моления, гадания, жертвоприношения. В жертву богам приносились еда, вещи, животные (преимущественно быки, кабаны, овцы).

Население древнего Киева больше всего почитало из священных деревьев могучие старые дубы, а из животных — дикого кабана (вепря). Ярким подтверждением тому являются археологические памятники, обнаруженные на окраинах древнего Киева. Так, в разное время, в 1909 и 1975 гг., из Десны и Днепра (вблизи устья Десны), немного выше современного Киева были подняты два огромных дубовых ствола со высаженными

в них кабаньими клыками. Эти важные находки указывают на тесную связь культа священных деревьев и зверей в древней восточнославянской мифологии.

Перунов дуб. Небезынтересно более подробно напомнить историю находки (в 1909 г.) дуба и его описание. В литературе по этому вопросу, начиная с небольшой работы К. В. Болсуновского «Перунов дуб» (1914 г.), даны не совсем точные сведения. Их без надлежащей проверки использовали некоторые более поздние исследователи. С легкой руки К. В. Болсуновского, М. К. Каргер и другие авторы указывали, что дуб найден на дне Десны между Остром и Черниговом. Одновременно Н. Ф. Лавров и Н. Н. Воронин писали, что дуб поднят со дна Днепра возле устья Десны.

В свое время знаменитая находка очень заинтересовала ученых. О священном дубе славян-язычников появились статьи и в периодической печати.

Дерево нашли при следующих обстоятельствах. Летом 1909 г. велись работы по очистке русла Десны в 8 километрах от ее устья, вблизи монастыря Пустынного Николая. Со дна реки подняли хорошо сохранившийся дубовый ствол длиной 16—20 метров. Внимание рабочих привлекли четыре почерневших кабаньих челюсти, симметрично засаженные с одной стороны ствола и прочно вросшие в дерево. Челюсти принадлежали молодым животным и были расположены по две рядом, одна над другой, образуя квадрат. Сами челюсти, резцы и клыки не испортились, а лишь почернели. Тогда же часть ствола с челюстями была выпилена и при этом немного испорчена. Но лишь через три года остатки дуба с челюстями попали к В. В. Хвойке. Он увидел в этих остатках чрезвычайно интересный памятник славянской языческой поры — священное дерево. В 1912 г. куски дуба с челюстями были переданы тогдашнему Киевскому художественно-промышленному музею.

Находка заинтересовала таких ученых, как Л. Нидерле, Д. Н. Анучин, В. А. Городцов, В. З. Завитневич, М. В. Довнар-Запольский. Они полностью согласились с мыслью о ритуальном назначении дуба. Зимой 1912 г. В. В. Хвойка сделал в Киеве доклад о днепровской находке.

Исследователи отмечали, что древность и ритуальное назначение дерева подтверждаются солидными аргу-

Фрагмент дерева с кабаньими челюстями. Находка 1975 г.

ментами. Место, где найден дуб, находилось неподалеку от бывшего монастыря Пустынного Николая и было известно древним киевлянам под названием «Никольская пустынька». Местность эта расположена вблизи слияния Десны с Днепром, на территории древних славянских поселений, на границе полянской и северянской земель. Исследователи напомнили слова летописи о том, что вокруг Киева был «лес и бор великий». Они отмечали, что в древние времена лес простирался на десятки километров от Киева и покрывал упомянутую местность. На этой территории еще и сейчас встречаются могучие дубы, остатки огромных в прошлом лесов. Они подтверждают местное происхождение священного дуба. Заслуживает внимания и предположение, что огромный двадцатиметровый дуб рухнул вместе с подмытым берегом в воду и конечно не мог отплыть по течению далеко от того места, где рос. Да и по словам десятника, проводившего тогда работы, на стволе поднятого из воды дерева не было никаких следов, указывающих на то, что оно было срублено или сломано. Таким образом, дуб мог происходить из ближайших окolic.

Обнаруженный в 1909 г. дуб — это большое дерево с плотной древесиной, которому было не более 150 лет. Черная блестящая поверхность челюстей свидетельствует о химическом процессе, значительно изменившем состав кости. А такой процесс возможен при длительном пребывании челюстей под водой на протяжении многих столетий. Вот почему датировать священный дуб можно временами языческой славянской поры.

В комплексе памятника важнейшее значение имеют четыре кабаньих челюсти, старательно вставленные в дуб и симметрично размещенные. Исследованием был установлен порядок заправки челюстей. В живом дубе выдалбливалось глубокое четырехгранное углубление, куда вставлялась челюсть молодого кабана со всеми зубами в их естественном положении. Затем углубление забивалось дубовым колышком, который со временем прочно обростал древесиной. Челюсти в найденном дереве были высажены довольно высоко — в месте, где начинали расходиться ветви дерева. Об этом свидетельствует расположение жилок древесины на месте челюстей.

Такая кропотливая и довольно трудоемкая работа может указывать лишь на то, что цель заправки челюстей в дуб связана с какими-то культовыми действиями. Древность памятника, относящегося к славянской языческой поре, наводит на мысль о его связи с мировоззрением древнего человека, верившего в святость деревьев. Воздействием на такие деревья, как тогда считалось, можно вызвать магические силы, которые помогут в столкновении с грозными силами природы.

Исторические источники сохранили сведения о культе деревьев вообще и дуба в частности у языческих славян. О поклонении специально почитаемому дубу руссов на острове Святого Георгия (Хортице) рассказал Константин Багрянородный в произведении «Об управлении государством» (948—952 гг.). «На этом острове они (руссы. — Б. Я.) совершают свои жертвоприношения, так как там растет огромный дуб. Они приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные [приносят] куски хлеба, мясо и что имеет каждый, как требует от него обычай».

Следует заметить, что челюсти вставлены в дерево с целыми зубами и клыками, а это означает, что они принадлежали молодым кабанам. Исследователи пред-

полагают, что челюсти засажены после жертвоприношения. Головы жертвенных животных, их зубы и челюсти посвящались непосредственно божеству, поэтому во время жертвенной трапезы запрещалось к ним прикасаться. О роли голов жертвенных животных рассказал арабский писатель и путешественник X в. Ибн-Фадлан. По его словам, головы убитых быков и овец подвешивались русскими купцами на дереве возле идолов. Об этом имеются и этнографические данные.

Однако в случае с днепровским дубом вставлялись челюсти — наиболее важные части головы. Вспомним при этом многочисленные находки кабаньих костей и зубов (клыков) на территории, которую занимало древнее население Украины, в том числе и в Киеве. Очевидно, они имели большое значение в культовых обрядах древних. Неизменное наличие кабаньих костей и зубов видим и среди материалов, окружавших жертвенник каменного капища в Киеве, раскопанного в 1908 г. В древние времена просверленные кабаньи клыки считались у восточных славян амулетами-оберегами, то есть священной вещью, которая должна была охранять человека.

Следы поклонения кабану неоднократно обнаруживали в курганных захоронениях Поднепровья, где встречаются клыки-амулеты. В киевских некрополях их находили как в рядовых, так и в богатых срубных захоронениях. В 1892 г. во время земляных работ в бывшей усадьбе Кривцова (ул. Десятинная) в пяти языческих захоронениях И. А. Хойновский собрал 14 кабаньих клыков, причем еще несколько клыков нашел хозяин усадьбы. Кабаньи клыки часто раскапывали вместе с другими ритуальными предметами: при захоронении с конем, в срубном захоронении, открытом на северо-восток от Десятинной церкви в 1909 г. Кабаньи клыки встречаются и при раскопках киевского городища (в садах при Десятинной церкви, на месте древнего капища).

Не раз обнаруживали клыки, кости и кабаньи головы в курганных захоронениях северян (Шестовица), древлян. Подобные амулеты-обереги существовали и после принятия христианства на Руси, о чем свидетельствует найденный во время раскопок во Вщиже Б. А. Рыбаковым кабаньих клык с надписью: «Господи, помози рабу своему Фоме».

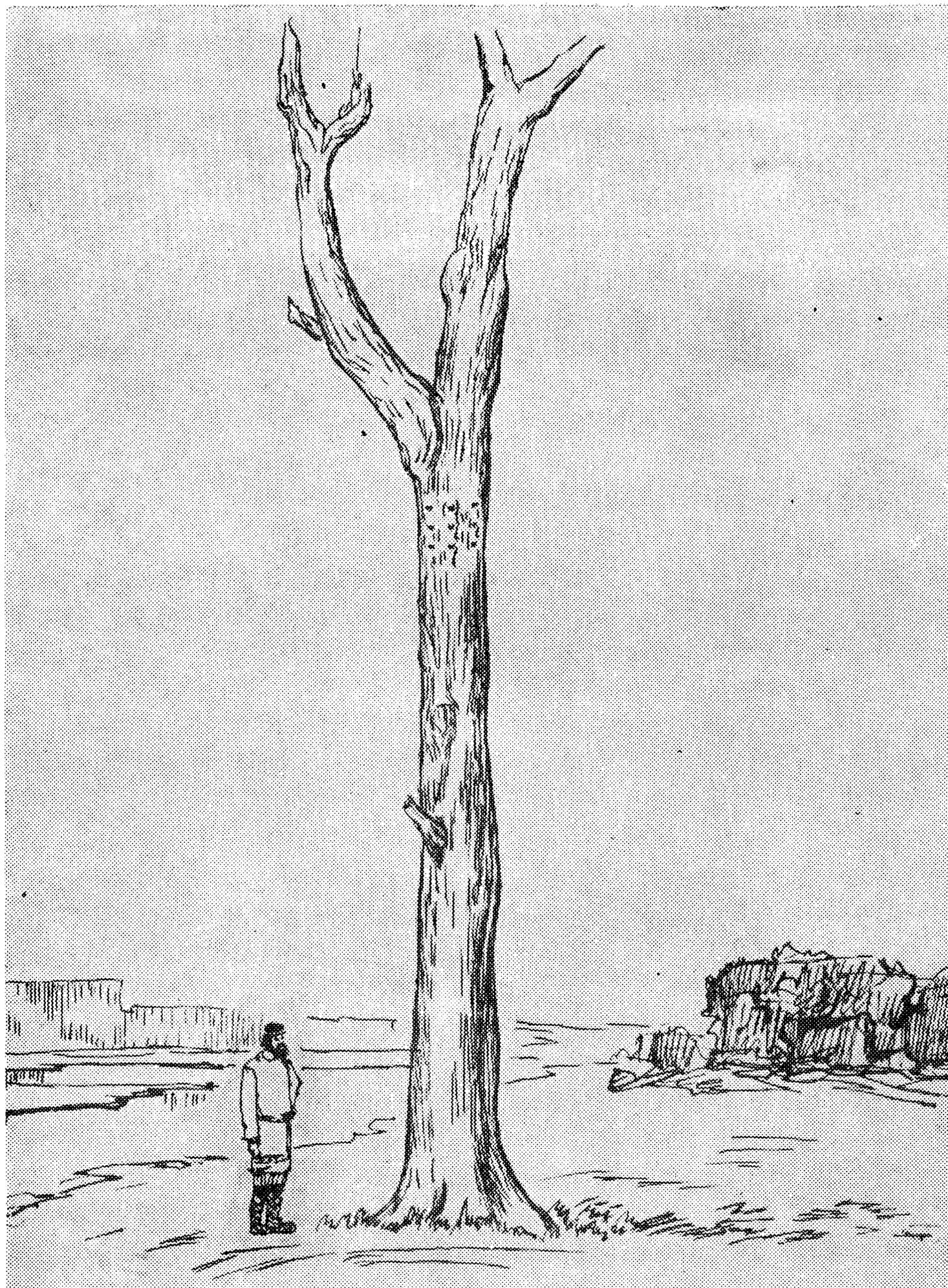
Из приведенных примеров можно убедиться, что кабан служил жертвенным животным язычников и считался священным зверем. Древность культа дикого кабана (и сменившего его затем культа домашней свиньи) у восточных славян несомненна. Говоря о кабане как о ритуальном животном, исследователи отмечают и его связь с культом бога грозы Перуном.

Кроме археологических данных, о культуре дикого кабана (вепря) рассказывают памятники письменности. Об охоте на вепря и торжественном употреблении мяса на княжеских пирах говорится в летописях и былинах. Исследователи усматривают в «вепревых» угощениях отголоски обрядового поедания мяса вепря, связанного с приношением Перуну. Обрядовое поедание свинины было широко распространено не только у восточных славян, но и у других народов. Так, литовец приносил в жертву свиней окорок, что указывает на прямую связь Перуна с ритуальным поеданием свинины.

С введением христианства покровителем свиней стал считаться Василий Кесарийский, а ритуальное поедание мяса кабана сохранилось в цикле новогодних празднеств (Васильев день и др.).

Допускается, что кабаньи челюсти были вставлены в священное дерево после какой-то важной жертвенной церемонии. Причем для такой цели были убиты четыре молодых животных, что подтверждают небольшие челюсти, молочные зубы и др. За челюстями, как за священным предметом, велись постоянные наблюдения, из-за чего они оставались неиспорченными и долго находились в стволе дерева. Дуб также сохранился неповрежденным. Поэтому засаживание челюстей в ствол дуба считается целью религиозной, требующей, чтобы с деревом обращались осторожно, как со священным предметом.

Обожествление деревьев, их культ прослеживается у всех народов мира. По этому поводу известный исследователь славянской мифологии Е. В. Аничков писал: «Обожествление деревьев и святых рощ представляет одну из форм религиозной сознательности, через которую проходит на определенном этапе развития все человечество». О культе деревьев у восточных славян известно из упоминавшихся уже памятников письменности. Кроме того, в проповеди Кирилла Туровского говорится, что когда-то руссы называли богами стихию, солнце,

Реконструкция дуба со вставленными кабаньими челюстями.

огонь, воду и деревья. Следы поклонения деревьям за-
свидетельствованы и значительно позднее. Причем по-
читание деревьев принимало иные формы, претерпев
некоторые изменения, в частности влияние христианства.
Недаром Феофан Прокопович в XVIII в. запрещал пе-
ред «дубами молебны петь».

Пережиток культа деревьев проявился в праздновании Семена, проводившемся еще в XIX в. в селах и городах Украины. Известно описание празднования Семена на киевских базарах накануне 2 сентября 1884 г. Под вечер, когда заканчивалась торговля, все торговцы и купцы, продававшие овощи, объединялись (на каждом базаре отдельно) и увешивали елку фруктами и плодами. В некоторых местах делали из сена чучело. Приносили напитки, кушанья, и целую ночь гуляли вокруг украшенного дерева, распевали песни. Аналогичный праздник, также отмечающийся в Киеве, назывался праздником свадьбы свечки. Здесь деревцо (березу, сосну, вишню) украшали свечками и пировали вокруг него. Такого же характера праздник «Купало», когда деревце украшалось венками.

О священных рощах и деревьях имеются сведения у чехов и поляков. Но особенно почитали славяне старые дубы, которые считали священными. О поклонении священным дубам у прибалтийских славян сообщает Гельмольд: «Мы заехали в рощу... Там между старыми деревьями мы увидели священные дубы, посвященные богу этого края, Прове». Такие же рощи со священными деревьями были и на Руси. Именно дубовые рощи и считались любимым местопребыванием богов, которым под старыми дубами приносились жертвы. Поклонение дубу наблюдал в IX в. в Крыму Константин Философ во время путешествия в Хазарию.

Под самым Киевом «на Желяни» стоял «Добрый дуб», название которого перешло на урочище, упоминаемое под 1169 г. в Ипатьевской летописи. Возможно, это один из священных дубов, стоявших на дорогах к Киеву в языческие времена. Отношение к дубу как к священному дереву сохранилось и после принятия христианства. Так, жители Киева тайно собирались на близком к городу острове, где оказывали особое почтение находившимся там старым дубам.

В связи с тем что священный дуб в 1909 г. был найден на околицах монастыря Пустынного Николая, можно считать, что во времена язычества здесь была священная роща, которая впоследствии была приспособлена к христианскому культу. На это указывают летописи. При введении христианства на уничтоженных языческих культовых центрах строились христианские церкви, так как эти места были привычны людям для

Священный дуб на берегу Днепра. Находка 1975 г.

молений: «И приказал Владимир строить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры».

Культ дуба у славян тесно связан с культом Перуна. Известно, что дуб у древних греков был посвящен Зевсу, у римлян — Юпитеру, у пруссов — Перкуну, которые были богами-громовержцами. Восточные славяне также посвящали дуб Перуну — богу грома и молнии. Дуб Перуна прямо назван в грамоте под 1302 г. галицко-волинского князя Льва Даниловича, которой он дарит село Рушевичи Перемышльскому епископству: «А от той горы до Перунова Дуба». По Густынской летописи в капище Перуна поддерживался неугасимый огонь, причем в ритуальном костре горело также «дубовое дерево».

Приведенные факты свидетельствуют о широком распространении культа дуба у древних славян и о довольно тесной связи дуба с богом грозы в славянской мифологии. Именно старые могучие дубы и посвящались Перуну.

Подарок Днепра. Другой священный дуб был найден уже в 1975 г. Произошло это при расчистке фарватера Днепра, немного ниже устья Десны (район Охотничьей станции, 2), где из реки подняли старый мореный дуб, в ствол которого было вставлено девять кабаньих челюстей. Рабочие земснаряда дивились торчащим из де-

рева челюстям, и вырубili их на сувениры. К месту находки прибыли сотрудники Киевской экспедиции Института археологии АН УССР К. Н. Гупало и Г. Ю. Ивакин. Им удалось разыскать восемь челюстей из девяти, вбитых в дерево. На стволе дерева на месте вырубki хорошо сохранились прямоугольные углубления, куда были вставлены кабаньи челюсти.

Дуб сохранился почти полностью вместе с корнями, однако он оказался значительно меньшим, чем дуб, найденный в 1909 г. Высота его достигала десяти метров, окружность ствола у корней имела около двух метров. На высоте шести метров перед раздвоением ствола в него были всажены девять кабаньих челюстей, которые образовывали квадрат со стороной 34 сантиметра. Отверстия для челюстей были сделаны долотом на глубину до 18 сантиметров. Снаружи оставались только клыки. Челюсти обросли древесиной примерно на 4 сантиметра. Дуб с челюстями простоял достаточно долго. На его стволе заметны также следы воздействия огня. Вставленные в виде квадрата на большой высоте, кабаньи челюсти, а также следы огня (вероятно, обрядового кострища) дают возможность утверждать, что этот дуб — священное дерево, предназначавшееся для ритуальных обрядов.

Таким образом, имеем две аналогичные находки, обнаруженные неподалеку от устья Десны. Происходят они, очевидно, из одной и той же священной дубовой рощи. Рассмотрение обоих дубов свидетельствует о близкой связи в славянской мифологии культов зверей и священных деревьев. Здесь, по мнению исследователей, объединяется культ самого сильного представителя местной фауны вепря с культом дуба. Оба культа тесно связаны с почитанием главнейшего бога языческой Руси Перуна. Именно такие священные со вставленными в них кабаньими клыками дубы, по мнению К. В. Болсуновского и Г. Ю. Ивакина, посвящались богу грозы Перуну.

Как уже говорилось, дуб, найденный в 1909 г., рухнул в воду вместе с подмытым берегом. То же случилось и с дубом, найденным в 1975 г. На это указывают его сохранившиеся корни. Да и на стволе его не замечено никаких следов рубки. Таким образом, оба дуба не были уничтожены во время введения христианства, а подмытые разливами Днепра, упали в реку, где и

пролежали почти до наших дней. Как предполагают исследователи, дубы росли неподалеку от места, где их нашли, возможно, на берегу Десны и Днепра, немного выше или в месте впадения в него Десны, вблизи переправы, где пересекались два важных торговых пути (один днепровский, путь «из варяг в греки», другой — из Киева в Чернигов). Сюда же подходили припятский и деснянский водные пути. На скрещении этих важнейших торговых путей и могли стоять священные дубы. Возможно, неподалеку отсюда было и место стоянки торговых караванов, подъезжавших к Киеву с севера. Ведь не случайно языческие святилища располагались на пересечении торговых путей, где дружинники и купцы, пройдя на ладьях длинный путь, приносили жертвы своим богам. Вспомним описание Константином Багрянородным огромного дуба на острове Хортица, где русами по их обычаю приносились жертвы.

Итак, священные дубы, обнаруженные в 1909 и 1975 гг. в Десне и Днепре, были жертвенниками в священных рощах выше Киева, неподалеку от устья Десны, где приносились жертвы грозному Перуну перед далеким походом. Эти находки еще раз подтвердили широкое распространение почитания дуба и кабана в Поднепровье (в частности, у киевлян-язычников), а также тесную связь этих двух культов в восточнославянской мифологии.

По сообщению Н. Н. Ковалюха, радиоуглеродный анализ древесины последнего дуба показал, что он прекратил существование примерно 1230 лет тому назад, то есть в середине VIII в. Однако и до этого времени священный дуб простоял значительное время, о чем свидетельствует химический процесс, которому подверглись кости. Ко времени, предшествующему принятию христианства, относится и дуб, найденный в 1909 г.

Перунов дуб, найденный в 1975 г., передан Музею народной архитектуры и быта УССР в Киеве, где его законсервировали и будут экспонировать под открытым небом. Фрагмент же дуба с клыками реставрирован и размещен в павильоне «Наука» на Выставке достижений народного хозяйства УССР.

ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В КИЕВСКОМ НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ X—XIII вв.

Наиболее глубоким проявлением языческой идеологии в изобразительном искусстве восточных славян были памятники скульптуры. Древнейшие среди них — изображения языческих богов.

Деревянными, по летописи, были языческие боги Владимира на Перуновом холме в Киеве, как и многие другие идолы на Руси. Деревянные языческие скульптуры старых богов почти не сохранились до наших дней. Более долговечными были скульптуры из камня, глины и металла.

Скульптурные изображения идолов. Отдельные статуи из камня сохранялись на Подолье. Среди них известный славянский идол (Святовид), поднятый еще в 1848 г. из реки Збруч неподалеку от Гусятина, где существовало большое языческое святилище. Скульптура была сброшена в реку во время введения на Руси христианства. Збручский идол представляет собой четырехгранный столб высотой более двух метров, увенчанный головой с четырьмя лицами, в древнерусской княжеской шапке. Статуя с четырех сторон украшена тремя ярусами изображений, отвечавших религиозным представлениям того времени о трех сферах мира — небе (жилище богов), заселенной людьми земле и подземном мире — царстве злых сил. Среди богов небесного яруса на главном месте богиня с рогом изобилия, рядом с ней — бог войны с мечом.

Збручский идол, по мнению Б. А. Рыбакова, представлял собою древнего бога Вселенной Рода — верховного властелина неба, земли и подземного мира, который здесь изображен «не антропоморфно, а лишь символически, как скульптурная идеограмма плодородия, продления рода».

Во многих славянских курганах IX—X вв. встречаются бронзовые и глиняные объемные фигурки языческих богов с выдержанными пропорциями тела. Исключительный интерес представляет находка небольшого бронзового идола в захоронении князя X в. (Черная могила, Чернигов). Сидящий божок держит в руках какой-то предмет (вероятно, рог).

Бронзовый языческий идол был найден на дне Матвеевского залива в Киеве. Статуэтка представляет собой мифическое существо в виде стоящего человека с двуликой головой в остроконечном головном уборе, с короткими руками и ногами, округлым животом. У идола — широкий нос, узкие раскосые глаза. Со стороны женского лица статуэтки около груди резко выступает голова какого-то животного, похожего на быка, рогами которому служат руки статуэтки, повернутые в сторону мужского лица. Исследователи относят статуэтку к концу I — первой четверти II тысячелетия н. э., то есть к печенего-половецкому и татаро-монгольскому периоду в истории Поднепровья. Не исключено, что фигурка идола могла принадлежать тюркоязычным племенам торков, известных еще в X в. как союзники князя Владимира. Во второй половине XII в. они осели по р. Рось и на Переяславщине.

Интересные фигурки X—XI вв. были найдены в Киеве на склонах Старокиевской горы в 1968 г. Две орнаментированные керамические скульптурки изображали одна голову, другая человека в сидячей позе. Фигура расписана по сырой глине различными крестиками и линиями. Голова же представляла изображение усатого мужчины с углубленными, очень выразительными глазами.

Подобные глиняные идольчики были найдены в Киеве и ранее, например, скульптурка с двумя фигурками из раскопок И. А. Хойновского в усадьбе Кривцова в 1892 г. Вероятно, то были домашние божки древних киевлян.

Дохристианским временем датируется стилизованное изображение фигуры человека в головном уборе на ободке шиферного пряслица из Старокиевской горы. Рядом нарисованы ветка или дерево, растущие из какого-то сосуда. Над фигуркой человека размещен орнамент.

С территории Киева происходят и другие скульптурные изделия, представленные фигурками женщин. В причудливых высоких головных уборах и просторной одежде, с детьми на руках. Обнаружены они во время раскопок в Верхнем Киеве, на Подоле, Замковой горе и на Кирилловских высотах. Одни исследователи относили их к славянскому времени и датировали X—XIII вв., другие — к позднему средневековью.

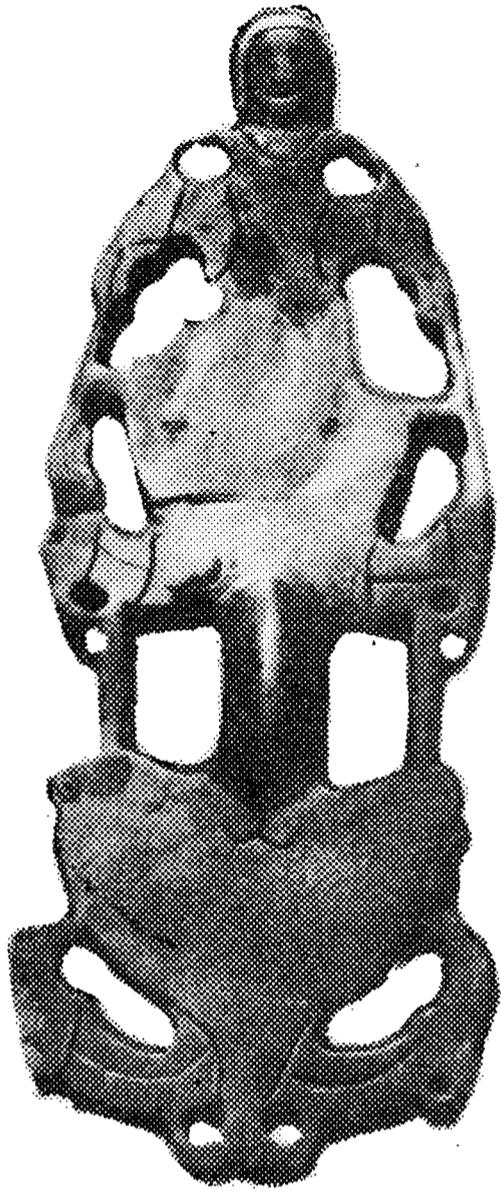
Известный знаток дренерусского искусства Л. А. Динцес считал, что киевские женские статуэтки сохранили начальные черты древних славянских изображений (в данном случае славянской богини), которые в более поздней глиняной скульптуре исчезли. Он проследил связь киевских статуэток с изображениями великой богини, богини-матери скифского мира, усматривая их общие черты в одежде, и особенно в головном уборе.

Б. А. Рыбаков отметил, что у таких фигурок сверху сохранялось ушко для подвешивания, а это позволяет отнести их происхождение к очень древним временам, когда фигурки женщин-богинь подвешивались у входа в каждый дом. По его предположению, в X—XII вв. население Киева еще настолько прочно было привязано к своей тысячелетней земледельческой религии, к своим Родам и рожаницам, что в фигурках женщины с ребенком надо усматривать именно богиню—покровительницу домашнего очага (скифская Табити).

Образ Великой богини. Искусство древних славян, как справедливо замечает Б. А. Рыбаков, глубоко самобытное и неразрывно связано с народной фантазией. Повседневный быт наших далеких предков был богато украшен разнообразными произведениями народного искусства. Особо почитались каменные и деревянные скульптурные изображения языческих богов — важнейший вид древнего искусства. Мифологические мотивы у восточных славян существовали очень долго и были наиболее распространены в быту. Это изображения на бронзовых фибулах (застежках для плащей), на подвесках и амулетах, различные изображения в художественной вышивке. На таких предметах (особенно на ювелирных изделиях) самым величественным является образ Великой богини славян.

Стилизованное изображение фигурки человека на шиферном пряслице. Старокиевская гора.

Серебряная антропоморфная фибула. Малая Житомирская улица.

Чаще всего изображение богини встречается на антропоморфных и зооморфных фибулах VI—VII вв., которые Б. А. Рыбаков связывает с культурой полянского племени — «самого передового и важного среди всех приднепровских славян». Наиболее распространены они на территории Среднего Приднестровья (бассейна Роси и ближе к берегам Днепра, а также в Киеве). На таких фибулах в центре изображена фигура богини — женщина в длинной, расходящейся книзу одежде, с поднятыми вверх руками, в позе мольбы к небу (солнцу), с солнечными дисками вокруг головы. На некоторых фибулах руки богини непосредственно переходят в головы коней или птиц (петухов). И конь, и петух в представлении славян связаны с солнцем, его культом. По исследованиям ученых, культ Великой богини, богини-матери зародился еще в период матриархата и стал основным культом земледельческих племен, а позже перешел в христианский образ Оранты, божьей матери. Поскольку большинство таких фибул найдено в бассейне реки Рось, Б. А. Рыбаков допускает, что здесь могло находиться и святилище Великой богини.

Б. А. Рыбаков считает, что в древности Великая богиня называлась Берегиней. Ведь древнейшим этапом славянских языческих культов (по поучениям христианских проповедников XII в.) было поклонение берегиням.

Да и слово *берегиня* обозначало землю. Таким образом, богиня земли, которая часто заменялась на вышивках изображением дерева (березы), называлась Берегиней, то есть землей. У восточных славян она могла называться еще Житной Бабой, Рожаницей, Землей, Ладой и, возможно, Славой.

Еще в начале 90-х годов прошлого века в Киеве на Малой Житомирской улице была найдена большая серебряная литая антропоморфная фибула. На ней изо-

бражена Великая богиня с руками, переходящими в головы коней, в чрезвычайно широкой юбке. Перед нами и богиня, и представители солнечного светила — кони, и солнечные диски, его символы. Рядом с женской фигурой изображение мужчины, руки которого также переходят в конские головы. Возле его ног еще два коня. Вокруг мужчины также нагромождены символы солнца — солнечные диски. Можно предполагать, что мужская фигура является изображением солнечного божества, оплодотворяющего землю.

Еще одна небольшая серебряная антропоморфная фибула была найдена на территории Киева в 1893 г. при строительных работах. На обоих концах ее — изображения женских фигур в одежде. Другая фибула, найденная возле Щекавицы, имела овальную форму. На ней схематичное изображение женской головы и коротких ног. Если две первые фибулы относятся к VII в., то Щекавицкая — примерно к VIII в. Именно с этого времени образ Великой богини на фибулах упрощается, преобразуясь в схематичное изображение женщины. На ювелирных предметах он оттесняется символами солнца (различные предметы из киевской эмали) и с течением времени переходит в обычный декоративный мотив. Изображение богини встречается в более поздние времена лишь на вышитых рушниках, которые в языческом ритуале имели незаурядное священное значение. На них (XIX в.) Великая богиня держит в руках расцветающий куст или птицу — вестника ее весеннего возрождения, или же держит за уздечки коней, на которых сидят жрецы, подносящие ей дары. Головы их и руки часто прорастают ветвями деревьев, вокруг нагромождены символы солнца и живые существа, в том числе петухи — вестники утра, животворного света.

Такие изображения матери всего живого (также и земли), ее жрецов и птиц, по мнению исследователей, передают земледельческий характер религиозных представлений восточных славян о силах природы, о весеннем оплодотворении земли солнцем.

Первоначальное название праматери-женщины, богини жизни славян до нас не дошло. Условно она названа Великой богиней. Из разных источников известны ее более поздние названия: Жива, Дана, Дива, Берегиня, Земля, Житная, Баба, Рожаница, Лада и др. Думаем, что в древнейшие времена богиня-мать могла назы-

ваться Славой и имела определенное отношение к происхождению этнонима *славянин*, то есть от имени Славы народ стал называться *славянами*, страна, где жил этот народ — *Славией*, а все языческое богослужение получило название *славения*.

Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные слова в славянских языках, тесно связанных с общеславянскими, — *слава* и *славянин*, большое количество (более 500), сохранившихся до нашего времени имен и географических названий с корнем *-слав-*. В определенное время Слава олицетворяла всемогущее божество и заменяла собой функции многих других богов (Рода, Ярилы, Велеса, Лады и др.), а потому и называлась Великой богиней. Таким образом, одна и та же богиня у праславян на рубеже нашей эры могла именоваться Славой, а образ ее дожил до XIX—XX вв. на вышивках Северной России и на старинных рушниках кролевецких мастериц.

Это древнее почитание Великой богини (Славы) оказалось настолько живучим, что воспоминания о ней под ее собственным именем остались в обрядах некоторых славянских народов (у сербов) и в письменных памятниках древности («Слово о полку Игореве»). Праздник Славы, например, существовал еще в те времена, когда у сербов-язычников каждый род имел своего бога, то есть еще до прихода их на Балканы. Почитание ими огня связывалось с рождением весеннего солнца, временем наибольшего почитания Славы — праздником весны (Георгиев день, 23 апреля). К празднику приурочивались важнейшие события в семье, общине, стране.

По мнению М. Оболенского, на старинный культ богини Славы имеется указание в «Слове о полку Игореве». На возвышенных курганах ей ставили статуи в образе девы жизни.

Изображение коня. Важное место в искусстве восточных славян занимал образ коня — постоянного спутника Великой богини. На глиняных образках и на вышивках жрецы-всадники всегда подъезжают к богине или к святилищу на лошадях.

По древним славянским памятникам, конь как священное животное — необходимый атрибут языческих славянских храмов. По представлениям древних, конь — символ смерти и символ воскрешения солнечного боже-

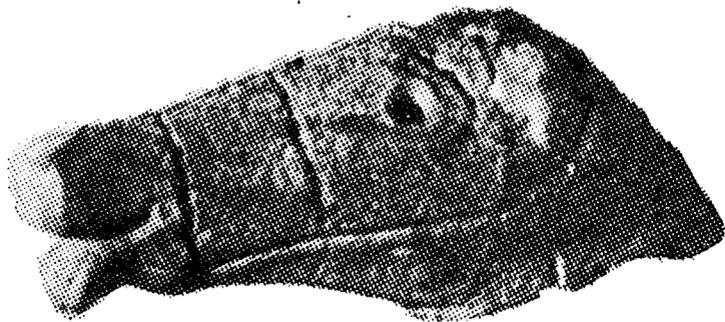
ства, которое восходит и заходит. Он сопровождался и соответствующими символами солнца — диском, лучами, крестом, ромбом. Изображение коня — любимый мотив народного искусства. Такие изображения чаще всего встречаются на прялках, гребнях, детских игрушках, на крышах домов. Особенно часты в X—XIII вв. парные изображения коней, что шло еще от изображения Великой богини со всадниками по сторонам. Из киевской ремесленной мастерской на Старокиевской горе происходит фигурная костяная пряжка, украшенная резным стилизованным изображением двух лошадиных голов. Головы животных повернуты к стоящему в центре столбу в виде ромба.

Особенно интересны серебряные фигурки лошадей из известного клада VI в., найденного в 1909 г. в селе Мартыновка вблизи устья реки Рось на Киевщине. Изделия эти (четыре изображения лошадей и четыре — мужчин-жрецов) местной работы. По исследованию Б. А. Рыбакова, изображения лошадей выделяются интересным соединением реалистической трактовки некоторых деталей (например, оскала морды) и сильной стилизации общего вида лошади. Позолоченные гривы — это геометрически правильные дуги, орнаментированные прямыми линиями и спиралями. В изображении лошадиной головы очень хорошо схвачены все детали, правильно передано много характерных черт. На некоторых бляшках лошади представлены динамично, в быстром движении, на других — в относительном покое.

Конь — любимый мотив древнерусского изобразительного искусства вообще. Особенно часто случаются миниатюрные стилизованные коньки с вытянутыми ушками и загнутым в кольцо хвостом, датируемые X—XII вв.

Такие подвески-коньки украшены кружками—солярными знаками. Встречаются они и на Киевщине. Среди них заслуживает внимания фигурка всадника из села Шудовка.

Как мы уже упоминали, фигурки коней украшают у восточных славян резные деревянные предметы различного назначения: сундуки, донца прялок, ручки ковш, черпаков, коньки крыш. Резные черпаки и ковши по конструкции и по передаче форм очень близки к деревянным сосудам древних восточных славян, относящимся к категории культовых. Среди деревянных предметов с Подола, найденных в 1973 г. на Житнем торге,

Скульптурка коня XI в. из Копырева конца.

есть один с контурами коня, очень похожий на многочисленные деревянные игрушки-коньки из Новгорода.

В XI—XIII вв. изображение коня в Киеве становится объектом скульптуры. Киевские резчики в своих мастерских изго-

товляли такие скульптурки из кости, глины и камня. Отдельные из них дошли до нашего времени.

Незаурядный интерес для характеристики народного изобразительного искусства древних киевлян представляет находка верхней части скульптурки коня на Копыревом конце древнего Киева в 1974 г. Фигурку нашли во время раскопок в усадьбе № 6 по Кияновскому переулку в слое XI в. Изготовлена она из высококачественной серой глины и покрыта желтовато-коричневой поливой. Голова коня имеет правильную удлиненную форму с выступающими скулами и рельефными надбровными выступами. У коня широко открытые глаза, раздутые ноздри. Его рот раздирают удила, а всю голову опоясывает типичная для Древней Руси уздечка. Плавно выгнутая высокая грива передана косыми нарезками.

Древнерусский мастер умело и реалистично передал динамику движения коня (в бою?). Скульптурка, выполненная с незаурядным профессиональным мастерством, изображала, вероятно, воина-конника. Подобные древнерусские фигурки коня (но без головы) на территории Киева и Киевщины находили и ранее. Среди них интереснейшей является скульптурка (датирована XII—XIII вв.), найденная в 1970 г. в усадьбе № 38 по улице Большой Житомирской. Это также фигурка воина-конника, который в правой руке держит копьё наизготовку, а в левой — повод коня. Правда, здесь отсутствуют налпные детали, а также голова. Подобная скульптурка найдена недавно в Десятинном переулке на Старокиевской горе.

Изготовление таких изделий в Киеве в XI—XIII вв. указывает на традиционность в производстве скульптурок коней определенной группой мастеров-киевлян и безусловно связано с первоначальным священным значением их изображений в древнеславянском искусстве.

Изображение коней на территории Киева и Киевщины дожило до позднего средневековья. Во время раскопок в Киеве в культурных слоях XVI—XVIII вв. встречается много ярко раскрашенных детских игрушек — глиняных коньков.

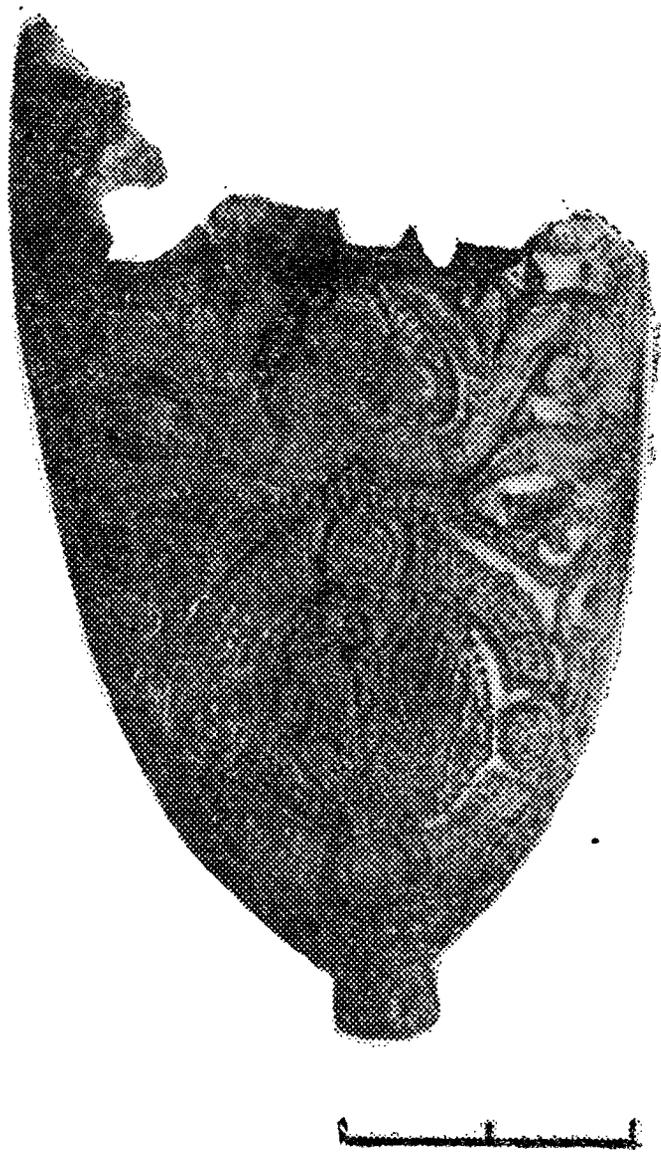
О почитании коней киевлянами-язычниками говорят также древнерусские памятники письменности, в частности «Повесть временных лет» (упомянутый сюжет о смерти Олега от своего коня).

Почитание коня в Киеве прослеживается также по археологическим раскопкам. Боевых коней, погибших в битве, князья хоронили на специальных помостах и насыпали над ними курганы, как над воинами. Кони должны были сопровождать своих хозяев в потусторонней жизни. Такими являются захоронения дружинников и их боевых коней.

Изображения птиц и животных. На фибулах и вышивках наряду с Великой богиней встречаются изображения различных птиц (петухов, гусей, уток). Особая любовь проявилась к образу петуха, что связано с влиянием культов солнца. По представлениям наших предков, эта вещая птица, связанная с солнцем, является символом зари, вестником восхода солнца. Она не только знает время, но и умеет отмечать его. Петуха чаще всего приносили в жертву. Как сообщает Лев Диакон, воины Святослава после похорон убитых товарищей погружали в воды Дуная живых петухов. Приносили в жертву этих птиц и на острове Хортица.

В X—XI вв. известны различные подвески с изображением петухов. На территории Киева найдены два костяных стержня (уховертки). Один конец стержня украшала стилизованная головка петуха с маленьким сквозным отверстием в центре, а другой оканчивался вытянутой ложечкой. Поверхность стержня испещрена углубленными линиями, которые пересекаются между собой, образуя своеобразную сетку. Уховертки с головками петухов изготавливались в городской косторезной мастерской.

С территории Киева происходят и различные предметы с изображением уток, что по представлениям древних, олицетворяло водную стихию и было связано с ее животворными качествами. Из раскопок Подола в 1972 г. известен деревянный ковщ, ручка которого окан-

Изображение головки птицы на ножнах боевого меча. Верхний Киев.

ском искусстве и вообще в восточнославянской мифологии. Кроме упомянутых уже, в Киеве почитали медведя — хозяина леса, который был объектом так называемого медвежьего культа и поклонения. Но больше всех, как уже убедился читатель, киевлянами почитался дикий кабан. Возможно, почиталась собака, верный друг и помощник человека, некоторые другие животные.

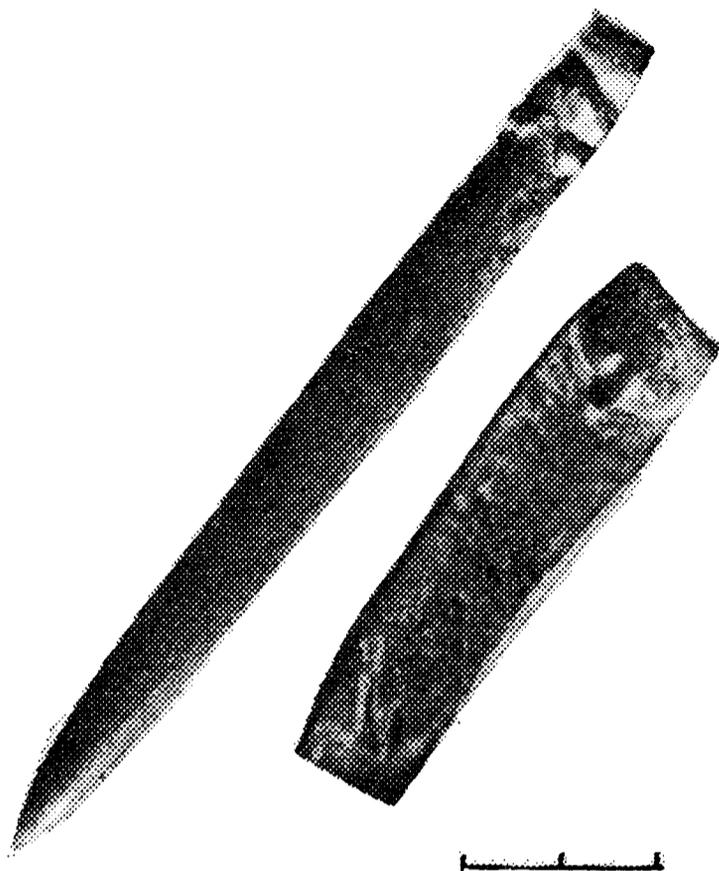
В Киеве найдены отдельные изделия древнекиевских мастеров-ремесленников с изображениями названных животных. Особого внимания заслуживает подольское писало X в. — прекрасное произведение искусства. Здесь резная голова медведя венчает собой круглый стержень, чуть согнутый для удобства. Стилизованная голова собаки вырезана на расширенном конце кривой проколки из рога (изготовлена в косторезной мастерской Старокиевской горы). Изображение головы собако-дракона с оскаленной пастью видим на костяной пластинке X в. со Старокиевской горы. С Подола происходит небольшая костяная пластинка с вырезанной на ней головой совы — по воззрениям древних — опасной птицы, предвещавшей несчастье или неудачу.

чивается головой утки. В конце XIX в. И. А. Хойновский нашел на Старокиевской горе керамическую скульптурку, покрытую желтой поливой, изображающую утку с двумя утятами. Там же была найдена фигурка уточки со свистком.

Известны на территории Киева и другие предметы с изображением разных птиц. Например, костяная рукоятка ножа, на гранях которой вырезаны вьющийся стебель и две птицы, следующие одна за другой. Обнаружили ее в 1976 г. на берегу Днепра возле древней Ильинской церкви.

Изображение животного мира занимало значительное место в древнем киев-

Интересно изображение козочки на шиферном рельефе. Голова ее окаймлена завитками шерсти, отделяющими ее от гладкой поверхности туловища и шеи. Особенно старательно вырезан глаз: глазное яблоко с зеницей в виде небольшого углубления выделено рельефными веками. Линии уха, глаза, завитков шерсти, а также вытянутая вперед шея подчеркивают динамику изображения. Не исключено, что этот лаврский рельеф, как и некоторые другие, мог принадлежать сначала дворцу великого князя Владимира, украшенному сюжетными языческими композициями (еще до принятия христианства).

Изображение головы медведя и совы на костяных предметах. Подол.

Древние черты на предметах обихода. Как известно, многие вещи в Древней Руси, в том числе и в Киеве, изготовляли из глины — горшки, кувшины, миски. Они украшались орнаментом в виде горизонтальных полосок, волн и зигзагов. Волнистый орнамент на глиняных сосудах X—XIII вв., как и на других предметах (подвесках-уточках, на более поздних вышивках), символизировал воду. Его наносили чаще всего на верхнюю часть сосуда, под ободком, на уровне, до которого наливали воду. Волнистый орнамент, по мнению Б. А. Рыбакова, мог выражать пожелание изобилия — «да будет этот сосуд всегда полным». Такие надписи, заменившие позднее знак воды, встречаются на различных глиняных сосудах, найденных в Киеве и других древнерусских городах. Элементы языческой символики на предметах первой необходимости — посуде для варки и хранения еды — можно считать вполне закономерными, если принять во внимание то, что древнерусское искусство было насыщено заклинательными элементами.

Некоторые исследователи придавали культовое значение и гончарным знакам (клеймам) на донышках глиняных сосудов. В ритуальном символическом значении

знаков убеждала повторяемость клейм, их однородность. Почти повсюду преобладает круг со вписанным в него крестом посредине, что, как известно, у всех народов является стойким символом солнца.

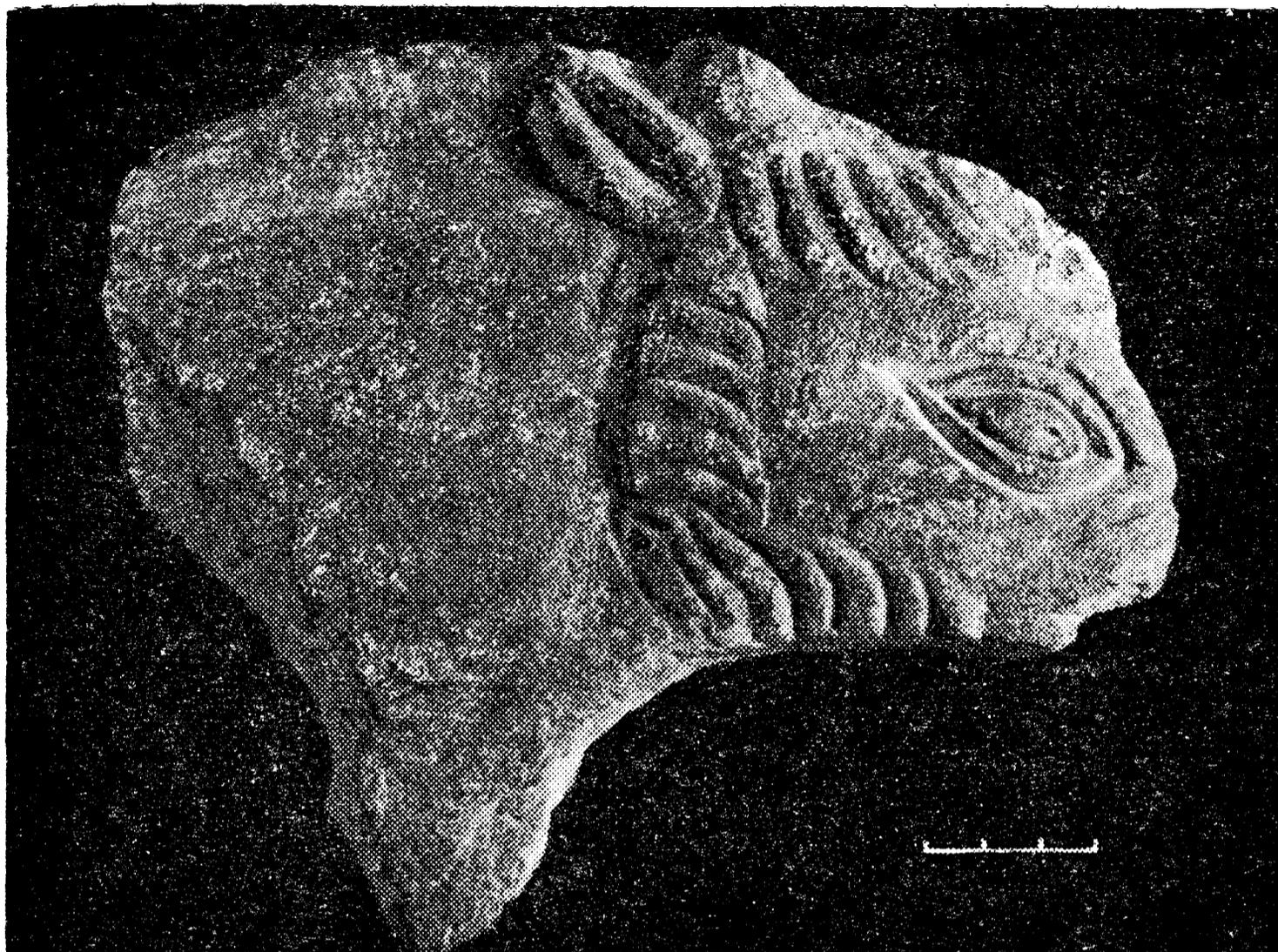
Большинство знаков на киевских сосудах имеет вид разнообразных комбинаций с кругом. Это один или несколько концентрических кругов, круг с крестом (Старокиевская гора, Замокская гора, Подол). Самый ранний знак известен на сосудах IX—X вв. так называемого курганного типа, найденных В. В. Хвойкой на Подоле. Клеймо имеет вид круга со вписанным крестом. Однако в современной археологической науке получило преимущество мнение о гончарных клеймах как знаках мастеров или даже знаках заказчиков.

С гончарным искусством в Киеве связано изготовление терракотовых яиц-писанок, покрытых декоративной росписью. В X—XIII вв. керамические писанки изготавливались для широкого рынка. Больше всего их находят в языческих курганах. Об изготовлении в Киеве писанок свидетельствуют инструменты (тигельки-лячки).

Писанка — важный предмет языческого культа, сведения о котором уходят в глубокую древность. Она, очевидно, связана с определенными религиозными представлениями первобытных людей, в частности с поклонением плодородию. Кроме того, изготовление писанки связано с дохристианским обычаем встречи весны. Яйцо символизировало весеннее возрождение солнца и всей природы. Недаром Н. Ф. Сумцов считал, что еще задолго до христианства яйцо стало символом солнца, было синонимом источника жизни и вселенной.

Голова собако-дракона. Кость. Старокиевская гора.

Изображение козочки на шиферном рельефе. Печерск.

На киевских писанках изображено переплетение желтых и зеленых полос. По мнению исследователей, они передают красоту и свежесть вечнозеленой травки, которая на Украине называется сосенка. С большим почтением относились наши предки к этой траве, используя ее мотив для символического изображения мифического небесного змея, который, согласно тогдашним представлениям о жизни, оплодотворял яйцо.

В древние времена писанки выполняли роль оберегов, на что указывают всегда помещенные в них глиняные шарики, создающие стук при встряхивании.

Древние языческие символы (солнечные знаки, различные зооморфные изображения) широко бытовали в киевском изобразительном искусстве. Языческое уживалось с христианским, о чем свидетельствуют киевские литые изделия XII—XIII вв., в частности бронзовые паникадила — хоросы. Хорос, найденный на Хоревой улице, состоял из нескольких десятков отдельных частей, изготовленных способом художественного литья.

В нижней части он имел полусферическую чашу, сложенную из нескольких ажурных пластин треугольной

формы, куда могла помещаться большая лампада. Сверху чаша покрыта ажурной решеткой, по краям которой под прямым углом закреплены широкие пластинки со сложным кружевным узором. Эти пластинки образуют круг, на котором симметрично размещены шесть подсвечников, украшенных завитками и птицами. Хорос подвешивался на трех цепочках, прикрепленных сверху к ажурной полусфере. На каждой цепочке закреплено по два диска с крестом посередине, символизирующих солнце и огонь. По исследованию В. К. Гончарова, вся композиция изображений на хоросе воссоздает старые языческие образы света и тепла.

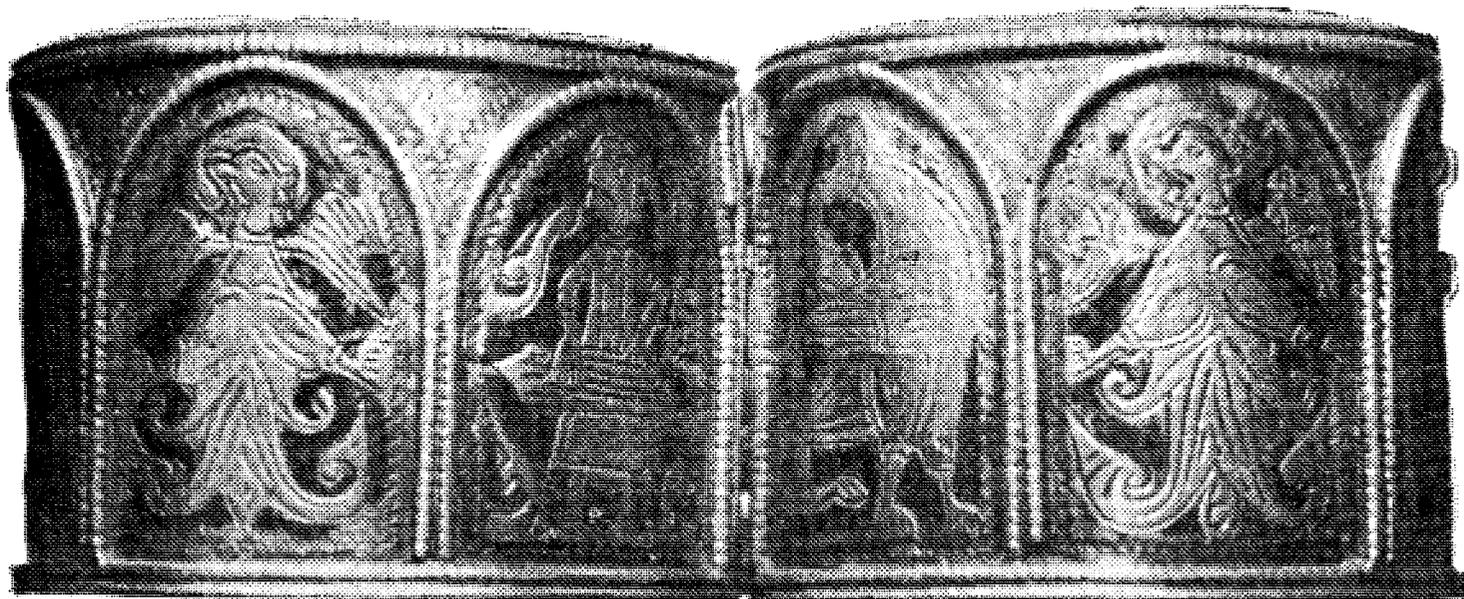
Большие диски символов солнца на цепочках имеет монументальный хорос, обломки которого обнаружены во время раскопок М. К. Каргера в Софии Киевской. Оба хороса сходны между собой. Близок к ним по форме хорос XII в. из Пирогощи, фрагменты которого найдены во время раскопок 1978 г., где внимание привлекают зооморфные изображения в виде уточки, рыбки и льва, элементы растительного орнамента и диски на цепочках.

По мнению исследователей, в Киеве находилась большая литейная мастерская, где ремесленники изготавливали бронзовые хоросы.

Ярким примером двоеверия являются христианские нагрудные змеевики, с одной стороны которых изображены святые, с другой — голова, опутанная змеями. Такие змеевики были распространены и даже изготавливались в Киеве.

Символика на украшениях. Из русских серебряных изделий XII—XIII вв. наибольший интерес для изучения язычества и языческой символики, по исследованиям Б. А. Рыбакова, представляют хорошо известные двустворчатые браслеты. Языческая символика здесь представлена достаточно полно, что связано с особой функциональной ролью браслетов-обручей.

Браслеты-обручи упоминаются в летописи под 944 г. в связи с языческим ритуалом — присягой русских перед идолом Перуна. Известные обручи относятся к женской одежде (длинной рубахе, которая надевалась для игрищ и танцев). Именно обручи стягивали длинные рукава. Перед танцем девушка снимала обручи и танцевала с распущенными рукавами, что и изображено на извест-

Изображение Симаргло-птиц на киевском серебряном браслете XII в.

ной миниатюре из Радзивилловской летописи, а также на самих браслетах-обручах.

На браслетах часто изображались языческие русалки и грища с танцующими женщинами, скоморохами, гусями. Танцы под аккомпанемент гуслей вообще считались самым ярким проявлением язычества. О русальих играх упоминают и летопись, и более поздние христианские проповеди, направленные против язычества.

Б. А. Рыбаков отмечает, что русалии — общеславянский аграрный праздник, связанный с плодородием полей, молением о дожде и рождением новых колосьев. Обряды и праздники русалий, как отмечают исследователи, происходили в июне месяце, где главными были русалии, связанные с Купалой, летним солнцеворотом и культом воды как живительной силы для полей. На серебряных браслетах XII в. видим сцены из русалий: тут изображены гусяры, мужчины в пляске и девушки с распущенными, словно крылья, длинными рукавами особых праздничных рубах.

По исследованию Б. А. Рыбакова, на серебряных браслетах-обручах, предназначенных для игр, изображен комплекс языческих символов. Идея плодородия выражена растениями и их корнями, орошаемыми водой в критический для земледельца период летнего солнцестояния, когда особенно важно обеспечить все растущее небесной влагой — дождем. Растительный мир, жаждущий влаги, изображен посредством папоротника и хмеля — священного растения. Нижний ярус на браслетах, находившийся под ногами людей, животных и птиц, переплетенный корнями и насыщенный идеограммами

воды и растительной силы, выражал идею, которая вложена в слова *мать сыра земля*.

Среди серебряных браслетов, на которых представлены композиции с людьми и существами с человеческим ликом, есть несколько браслетов из Киева. На браслете из усадьбы Раковского, найденном в 1889 г., размещена двухъярусная композиция. На левой створке в средней арке — стилизованное древо жизни, в двух соседних — сирины, повернувшие головы к растению. На другой створке два сирина стоят друг перед другом, а в правой крайней арке изображен спелый хмель. Головы сиринов девичьи, без нимбов. В нижнем ярусе — корни и побеги. Рядом — два косых креста и плетенка — вода. Кресты и вода обозначают купальские солнцеворотные русалии. С русалиями связаны и птицы-сирины, вилы — русалки, имеющие прямое отношение к небу, воде и растительности.

Из Киева происходит и литейная формочка для двустворчатого браслета. На одной створке вырезаны два птице-человека, а между ними в плетении — круг с крестом. Головы существ мужские, в колпаках. На второй створке — такая же композиция, но птицы не с человеческими, а с собачьими головами, типичные для Симаргла. По мнению Б. А. Рыбакова, Симаргл—Сенмурв, как охранитель семян и корней священного дерева, вполне уместен на украшениях, предназначенных для плясок.

Еще один браслет (XII в.) из Киева — одноярусный, створки разделены на три арки. В левой арке — девушка-плясунья в вышитой на груди рубахе, с длинными струйчатыми рукавами, в юбке. Правый рукав опускается до земли, левым она машет. В третьей створке — гуслиар в длинной вышитой одежде, в длинном колпаке на голове. Лицо его обращено к девушке. В крайней арке изображен танцующий мужчина в короткой одежде с мечом и щитом. В арке между плясуньей и гуслиаром и в арке, соседней с пляшущим воином, изображены Симарглы-птицы с собачьими головами и хвостами в виде растительных завитков. Вокруг всех человеческих фигур размещены растительные завитки.

На некоторых киевских браслетах изображено крылатое двухлапое создание с собачьей головой древнего бога Симаргла — хранителя древа жизни, дающего семена всех растений. Но в XII—XIII вв. на различных

Изображение гусляра на киевском браслете XII в.

предметах искусства, в том числе на браслетах, Симаргл заменяется Переплутом, божеством достатка и богатства, богом растительности, хвост и крылья которого преобразуются в растительную плетенку. Такой Симаргл Переплут, по мнению Б. А. Рыбакова, изображен на киевском браслете из Михайловского клада 1903 г. Рядом с ним — знак Солнца.

В русальном праздновании важную роль играла вода и целебное зелье. Русалки, как известно, назывались вилами и самовилами. А впрочем, по объяснению древнерусского книжника XI в., назывались они еще сиринями. Сирини с девичьими лицами и крыльями извест-

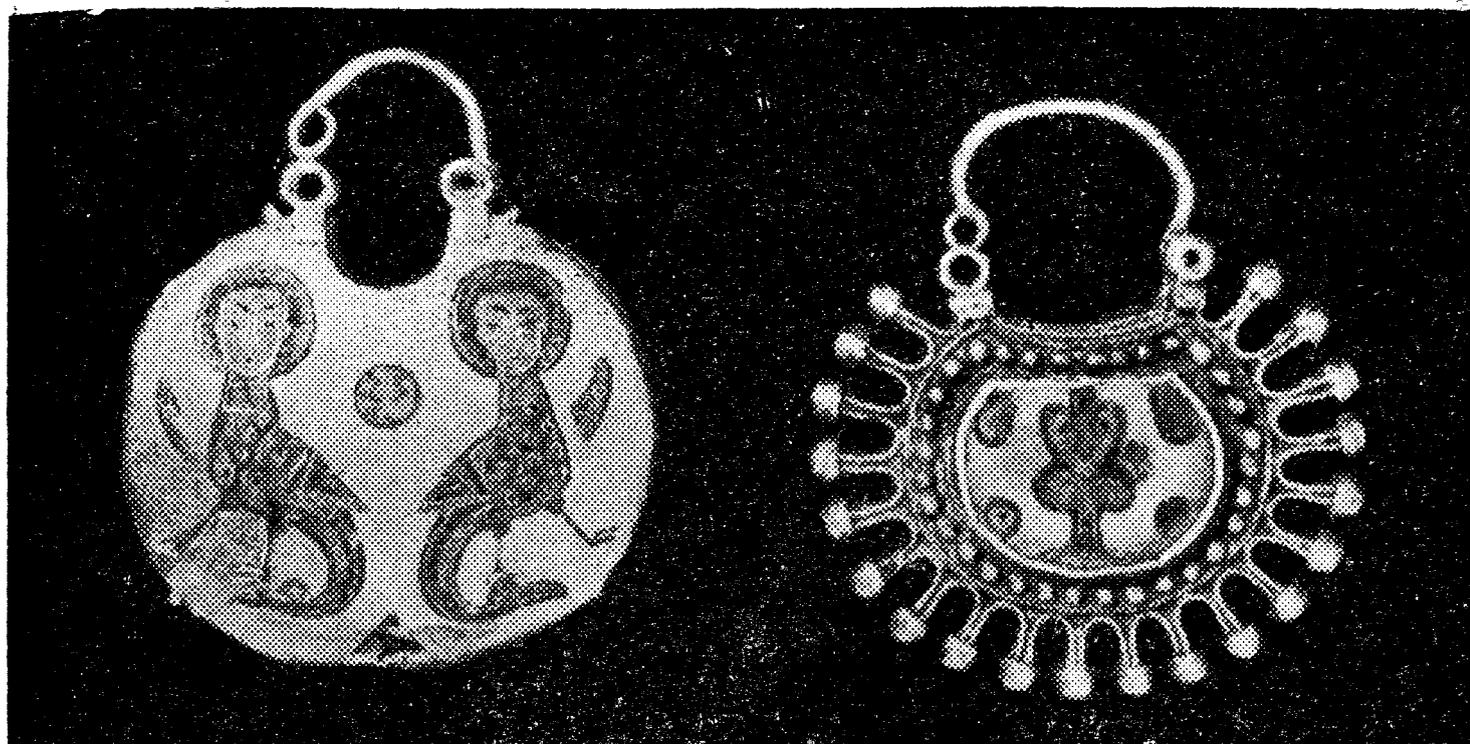
ны и в древнерусском искусстве. Они, как мы уже видели, встречаются на серебряных браслетах рядом с русальной символикой возле древа жизни и очень часто на золотых колтах XII — начала XIII вв.

Золотые колты из киевских кладов, как считает Б. А. Рыбаков, были парадными, даже свадебными, поскольку орнаментика на них насыщена магией плодородия, проявляющаяся то в облике женщины, то в образе древа жизни, то в виде многочисленных отростков, занимающих центральное место на колте.

Наиболее многочисленная и стойкая группа изображений на колтах, обнаруженных в старой части Киева, — это два сирины с девичьими лицами или две птицы по сторонам от крина или древа жизни. К другой группе относятся колты, на которых изображена девичья голова в высоком кокошнике. На лицевой и обратной сторонах — короткие согнутые массивные ветви, словно обрубленные и существующие отдельно. Приблизительно ко времени их появления (середина XII в.), по мнению Б. А. Рыбакова, можно отнести поучение против язычества, в котором уже не говорится о Роде (упоминался до 1140-х годов), а лишь о рожаницах и о поклонении женскому божеству Солнца-света. Содержание дополнительных элементов орнамента колтов (ветки, дерево вместо малых отростков) связывается с магией плодородия, отраженной в растительной форме.

На киевских золотых колтах изображались вилы-русалки с рогами изобилия и растительной символикой — посредницы между небом и землей, податели небесной влаги и покровительницы растущих или цветущих хлебов. Б. А. Рыбаков считает, что такие колты «прекрасно дополняют скурые свидетельства письменных источников о загадочных вилах и представляют собой современную им иллюстрацию, которая более полно раскрывает сущность древнего культа вил-русалок и документирует бытование этого культа также в княжеско-боярской среде столяного Киева в конце XI и в первой половине XII в.»

Древо жизни и другие языческие символы, со временем превратившиеся в орнаментированные мотивы, обнаружены на древнерусских тканях с золотой вышивкой во время раскопок в Киеве. Вышивка — один из видов декоративного искусства — была широко распространена среди феодальной знати на Руси.

Изображение сиринов и древа жизни на киевских золотых колтах XII в.

По летописи, в XI в. художественной вышивкой занималась Анна—Янка, дочь великого киевского князя Всеволода Ярославича. В Янчином (Андреевском) монастыре, созданном ее отцом, она организовала школу, где молодые девушки обучались вышивать золотом и серебром. Вышиванием для своей семьи и для церкви занималась жена Рюрика Ростиславовича Анна.

Как указывала М. А. Новицкая, вышивка использовалась для украшения предметов церковного обихода, для мужской и женской одежды феодальной знати. Вышивка на оплечьях мужской одежды была даже признаком принадлежности к высшему сану. На выши-

Изображение птиц на киевских колтах XII в.

тых предметах церковного обихода известны изображения фигур святых и растительного орнамента. Они найдены в 1936 г. в захоронении Софийского собора в Киеве.

Сохранившийся на фрагментах ткани растительный орнамент представляет большой интерес. Из различных растительных элементов был восстановлен основной мотив композиции — древо жизни, прорастающее из земли, изображенной горизонтальной линией. На других фрагментах вышивок из Киева орнамент в большинстве состоял из повторения кругов (например, из тайника Десятиной церкви) или розеток (из Белгорода).

В орнаменте, украшавшем одежду, соединялись геометрические, растительные и зооморфные мотивы, а также символические языческие изображения: древо жизни, кресты, розетки. Все они постепенно утратили первоначальное значение оберегов и превратились в орнаментальные мотивы. По исследованиям Г. К. Вагнера, немало зооморфно-символических образов встречается в росписях Софии Киевской. Выступают они либо самостоятельно, либо в соединении с христианскими символами (грифоны по сторонам хризмы). Грифон в славянском искусстве мог быть художественным эквивалентом Симаргла. Хризма обозначала солнце — сложный образ, переходный от языческого искусства к христианскому.

Обереги. Особым видом древнерусской мелкой пластики были амулеты — обереги. Так назывались у древних волшебные предметы, фигуры с тем или иным изображением божества, которым приписывали тайную сверхъестественную силу. Такие амулеты (или же наборы их) часто носили на груди, у пояса. Они оберегали их хозяев от разных злых сил, отвращали несчастье, чары, беду. Недаром Г. К. Вагнер отмечал: «для предохранения себя от какого-либо конкретного зла достаточно было воспроизвести и держать при себе изобразительную модель доброго «духа». Многочисленные амулеты-обереги прямо и непосредственно, через себя, через свою конкретную изобразительность и выполняли свою апотропеическую функцию».

Среди амулетов встречаются миниатюрные изображения зверей, коней, птиц, а также различные миниатюрные предметы — топорики, ножи, гребни, ключи, ложки, ковши, бубенцы.

Для территории Киева наиболее характерны обереги в виде топориков, лунниц, круглых подвесок, связанных с солнцем, и подвесок, изображавших предметы быта, оружие.

Амулеты - топорики были связаны с богом-громовержцем Перуном. Относятся они к X—XII вв. Миниатюрные бронзовые и железные топорики, имитирующие настоящие топоры, встречаются в Киеве и на его околицах. Они найдены в детском захоронении X в. у Десятинной церкви (железный), на Рейтарской улице, 31 (бронзовый), на Львовской площади (свинцовый).

Свинцовый оберег-топорик.
Львовская площадь.

Особого внимания заслуживает оберег-топорик из свинца, обнаруженный М. А. Сагайдаком в 1978 г. Он представляет один из древнейших типов древнерусских топоров с массивным широким лезвием, имеющим выемку с внутренней стороны. Обух со вмятиной, с выступами вовнутрь. Основные размеры топорика (длина лезвия 25, толщина в сечении — 5, высота проушины — 7 мм) имеют хорошо выдержанные пропорции. Приведенный тип настоящих топоров датируется X — второй половиной XII в.

Лезвие топорика с обеих сторон украшено орнаментом. В верхней части орнамент состоит из кружочков, нанесенных на поверхность острым предметом. Нижняя часть лезвия украшена по длине двумя параллельными линиями, разделенными на квадраты, а на другой стороне — зигзагоподобной линией и квадратами, но меньшего размера.

Маленькие концентрические кружочки или кружочки с точкой в центре — общеупотребляемые солярные символы, эмблемы солнца. Славяне украшали такими знаками фигурки животных (коней и др.), чтобы подчеркнуть их солярный характер. Связь солнечных знаков с топорами, по исследованиям ученых, является широко распространенным явлением. Зигзаг с древних времен был символом молнии, он будто указывал направление

удара. Такая зигзагоподобная линия шла вдоль всего лезвия свинцового топорика.

Солнечные знаки на топорах, по исследованиям В. П. Даркевича, вводят в область древних представлений о небесных явлениях, когда источником молнии, небесного огня признавалось солнце. Земной огонь считался при этом даром неба, переданным на землю в виде молнии. Огонь вообще был священным атрибутом при богослужении Перуну. Миниатюрные бронзовые, железные и свинцовые топорики, таким образом, интерпретировались как предметы культа Перуна, его символы и имели функцию оберегов.

Согласно верованиям наших предков, эмблемой бога-громовержца, охранявшего людей от злых духов, были так называемые подвески-бубенцы и некоторые другие шумные предметы. В Киеве часто находят бронзовые грушевидные бубенцы. Известны они из раскопок на Старокиевской горе, на Подоле и в других местах древнего Киева. Большинство из них найдено в захоронениях женщин, а также в комплексе с украшениями X — начала XI в. Бубенцы-обереги подвешивались у пояса и на груди. Внутри них имелись металлические шарики. Подвешенные у пояса на длинных ремешках или цепочках, они при наименьшем движении начинали колебаться и издавали звон, отгоняя, по воззрениям древних, нечистую силу.

С культом луны связаны многочисленные подвески в виде полумесяца — так называемые лунницы. Больше всего их найдено в курганных захоронениях в составе ожерелий. Иногда их носили как серьги. Лунницы — важная принадлежность женского убора. Время наибольшего их распространения на Руси X — начало XI в. Лунницы служили оберегами, защищавшими женщин и девушек от злых сил и чар.

Немало лунниц найдено в Киеве. Одна из них обнаружена в 1937 г. на территории Десятинной церкви в женском захоронении. Находилась она в составе ожерелья, состоявшего из 30 бусин. Лунница отлита из низкопробного серебра, с трубчатым ушком. Другая лунница происходит из Копырева конца (вблизи Львовской площади). Это литая бронзовая узкорогая подвеска, отличающаяся от других типов тем, что ушко для подвешивания у нее находится на удлиненном стержне в виде небольшого крестика. Крест, как известно, у язы-

ческих славян был символом небесного огня, символом солнечного божества. Лунницам с таким крестом приписывались особые священные свойства.

Подобные подвески-лунницы особо почитались древними славянами. Отголоском этого было ношение лунниц с крестом в виде сережек для предупреждения различных болезней еще в XIX в. в бывшей Калужской губернии. Носили их мужчины. Одновременно лунница могла иметь и более широкий смысл. В языческих религиях почитание солнца и луны как божеств — покровителей брака было очень распространенным явлением. Месяц был мужским началом, женихом, солнце — невестой. Эти небесные светила представлялись божественной парой, брак которых служил прототипом человеческого. Как божествам, живущим в браке, человеческие браки отдавались под покровительство солнца и месяцу. Недаром в украинских колядках хозяин сравнивается с месяцем, а его жена с солнцем:

Ясен місяць — пан господар,
Красне сонце — жона його.

Как предполагают исследователи, композиция из луны с крестом позже могла обозначать неразрывность, единство мужского (месяц) и женского (солнце) начал, быть символом супружества. Такие подвески могли носить замужние женщины и невесты.

С солнечным культом особенно связаны круглые подвески. В курганных захоронениях известны имитирующие солнце подвески без орнамента. Но были подвески и с различными стилизованными изображениями. Из Киева, например, происходит круглая подвеска с ажурной решетчатой плетенкой (Старокиевская гора). По мнению исследователей, аналогичную роль могли играть серебряные монеты, употреблявшиеся в роли подвесок. В киевском некрополе обнаружено много арабских диргемов, превращенных в подвески-обереги путем прикрепления ушек для ношения.

Некоторые круглые подвески из Киева (Рейтарская, 33) и Вышгорода — прорезные, с помещенными в середину крестами. Будучи священным символом солнца-огня, крест у языческих славян служил также и амулетом, оберегавшим его хозяина со всех четырех сторон. Иногда крест в круге заменялся четырехлепестковым цветком. Подобные формы переходят непосредственно

в розетку. Таких розеток найдено немало в различных местах древнего Киева. Одна из них представляет собой позолоченную подвеску с восемью лепестками и происходит из усадьбы Трубецких (Владимирская, 3). По мнению исследователей, розетка близка к цветку, в ней словно воплощена идея связи животворных солнечных лучей и роскошного прорастания цветов и трав на земле.

С формой креста связаны находки в языческом некрополе на Кирилловских высотах в Киеве. Интересны две плоские, вырезанные из листового серебра подвески в виде креста с расширенными концами. Пластинки украшены орнаментом из мелких кружочков. Другая подвеска — бронзовая крестоподобная пластинка с приклепанным ушком. На ее лицевой стороне — точечный орнамент по краям и ромбовидный посередине. И кружочки, и ромб — изображения солнца, почитаемого язычниками-полянами.

Среди археологических материалов восточных славян (периода X—XIII вв.) немало различных знаков, относящихся к языческому культу небесных светил и воплощающих целый комплекс космических верований. Большинство из них связано с украшениями женского убора (подвески к ожерельям, бляшки, височные кольца), игравшими магическую роль оберегов. Немало таких предметов обнаружено при раскопках древнего Киева. Больше всего их в женских захоронениях с трупосожжением и трупоположением киевских языческих некрополей. Ожерелья состоят из пастовых, сердоликовых, хрустальных и стеклянных бусин, а также из различных подвесок — монет, лунниц, раковин. Некоторые ожерелья насчитывают до 50 и более бусин, другие — три—пять. Височные кольца (бронзовые и серебряные) — это небольшие проволочные кольца с незамкнутыми концами. Реже встречаются височные кольца из серебряной проволоки с фигурными подвесками, состоящими из шести нанизанных одна под другой звездочек с лучами.

Характерным признаком киевских языческих захоронений являются клыки и кости диких кабанов. Много их найдено и в культурном слое древнекиевского городища. Обнаружены также клыки медведя и волка. Их носили на груди как амулеты, охраняющие жизнь человека. Причем в амулете частица зверя (клыки, зубы, лапа или голова) в представлении древних соединялась

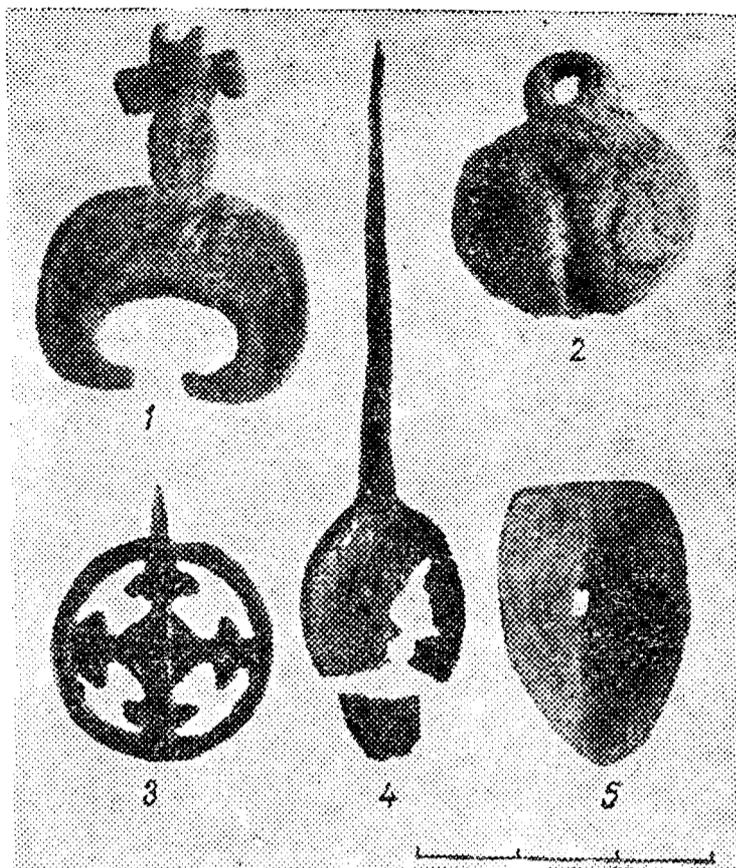
с целым, то есть целое восстанавливалось по частям. Амулеты-обереги были обрядово-заклинательными предметами.

К амулетам относятся также подвески, изображающие в уменьшенном виде предметы быта и оружие: ложки, гребни, ключи, ножи, мечи и др. В курганах эти подвески находят чаще всего в соединении с другими амулетами, среди которых иногда встречаются кости и зубы животных.

Из названных амулетов, найденных в Киеве, интересны подвески в виде миниатюрных ложек,

считавшихся, вероятно, символом благосостояния и достатка. Бронзовая ложечка из усадьбы № 33 на Рейтарской улице по форме несколько продолговата, имеет довольно длинную рукоятку с круглым отверстием на конце для подвешивания. Значительный интерес представляет костяная подвеска-ложка из детского захоронения на Старокиевской горе. Ее ручка украшена гравированным орнаментом в виде плетенки. Орнамент на расширенном конце ложки в условной стилизации передает чешуйчатый хвост какого-то чудовища. У нее есть аналогии среди бронзовых миниатюрных ложечек-подвесок из других местностей Руси. В Киевском историческом музее сохраняются две бронзовые ложечки-подвески из раскопок Киевской области и три неизвестного происхождения.

В Киеве и области обнаружены миниатюрные ключи — символы богатства и сохранения хозяйства. Один из них, отлитый из бронзы, происходит из языческого погребения на Старокиевской горе. Бесспорно, он употреблялся как подвеска ритуального назначения. У него было подвижное фигурное кольцо, а на плоской, почти квадратной бородке — четыре сквозных круглых отверстия.

Амулеты-обереги:

1) лунница из Копырева конца, 2) бубенчик со Старокиевской горы, 3) круглая подвеска из Верхнего Киева, 4—5) миниатюрные ложечки. Верхний Киев.

К подвескам в виде миниатюрных предметов и оружия исследователи относят амулеты в виде ножен и миниатюрных мечей, встречающиеся на территории Киевской Руси сравнительно редко. В пределах Киева миниатюрные мечи были найдены во время раскопок в усадьбе Киевской Софии и на Львовской площади. Находки на Львовской площади представляют собой небольшие стилизованные мечи, посередине лезвия которых сделаны отверстия. Все три меча похожи между собой и имеют длину до 32 мм.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

На огромной территории, которую занимали восточнославянские племена, известны многочисленные могильники и курганы с захоронениями. Древнейшим обрядом захоронения языческой поры является трупосожжение. Но для славян был характерен и обряд трупоположения. При всех видах обрядов над могилами насыпали курганы, а покойника хоронили в одежде и уборе с его личными вещами, которые должны были служить ему в потустороннем мире. При погребении представителя знати убивали его жену, коня и оставляли с ним ценные вещи. Все это было связано с представлениями древних славян о потусторонней жизни, о блаженном крае (рае), жилище вечного света, куда переходил человек после смерти. Считалось, что со смертью жизнь не заканчивается, а приобретает лишь иные формы, причем покойник приобщается к сонму предков.

На территории Киева еще в первой половине XIX в. можно было увидеть сотни курганов языческого времени. Располагались они как в самом городе, так и на его околицах, особенно вдоль Днепровских гор. Археолог Я. Волошинский в 1876 г. отмечал, что в Киеве насчитывается около 280 курганов, составлявших отдельные (большие и малые) группы, иногда поросшие лесом.

Курганы на территории Киева составляли несколько больших могильников (некрополей) на Старокиевской горе, на высотах над Кирилловской улицей (ныне улица Фрунзе), в урочище Батыева Могила над р. Лыбедь и на околицах Киева в Китаево. Раскопки курганов, которые в свое время проводили Я. Волошинский, И. А. Хойновский, В. В. Хвойка, С. С. Гамченко, М. К. Каргер,

П. П. Толочко, С. Р. Килиевич, И. И. Мовчан и др., дали очень важный материал для выяснения языческих обычаев древних киевлян.

Языческие курганные погребения киевских некрополей, датируемые IX—X вв., делятся на две большие группы — трупосожжения и трупоположения, которые сосуществовали в пределах одних и тех же могильников. Такое сосуществование характерно и для других некрополей Поднепровья, в частности Чернигова. По мнению ученых, эта черта была присуща еще предшествующей славянской культуре. О том, что обряды сожжения и погребения в земле были одинаково распространены у славян, справедливо отметил известный славист А. А. Котляревский в работе «О погребальных обычаях языческих славян»: «Как погребение в земле, так и сожжение бытовали совместно и одновременно с древнейшей эпохи до самой поры распространения христианства». Сосуществование в киевских некрополях обеих групп погребений отвечало языческим взглядам древних восточных славян. Погребений по обряду сожжения в исследованных курганах обнаружено намного меньше, чем по обряду ингумации (примерно 14 против 117).

Обряд сожжения. Курганные могилы с сожжением известны во всех киевских некрополях. По обряду кремации погребения делятся на трупосожжение с остатками кремации на месте и трупосожжение с остатками кремации на стороне. Последние представляют собой остатки пережженных костей, сложенных в глиняные сосуды (урны). Костры, на которых сжигали покойника, достигали иногда 2—3 метров в диаметре. Что касается предметов, сопровождавших похороненного, то они сгорали или подвергались действию огня и их численность была незначительна.

Сжигали людей различных общественных слоев. Отличия между такими похоронами заключались лишь в том, что похороны богатых (конечно, киевской знати) сопровождались большей пышностью и сложностью обряда, более богатым и разнообразным инвентарем. В рядовых курганах обнаружены остатки бронзовых перегоревших украшений (пряжек, бубенцов, застежек), железные ножи, глиняные сосуды, кости животных, мясо которых съедали во время тризны. Такие погребения принадлежали рядовым жителям старого Киева.

Но больше всего предметов было в курганах киевской знати. Интересное погребение с сожжением обнаружено в конце 90-х годов XIX в. в усадьбе Софийского собора. Из огромного кострища, находившегося на значительной глубине, особое внимание исследователей привлекла бронзовая курильница.

Один из курганов был раскопан в 1937 г. в усадьбе Десятинной церкви, неподалеку от фундамента ее западной стены. Здесь найдены остатки сожженных человеческих костей, различные металлические и костяные изделия, подвергшиеся действию огня и лежащие в слое золы и угля. Сохранились многочисленные фрагменты костяных пластинок (накладок), украшенных орнаментом (из кружочков с точкой в середине), разнообразные бронзовые бляшки с серебряной инкрустацией (некоторые с изображением шестиконечной звезды на лицевой поверхности), бронзовая литая пряжка, наконечник от ремня, астрагалы для игры, сердоликовые и матовые бусы, глиняное пряслице. Очевидно, здесь сожжен знатный дружинник с рабыней или наложницей, на что указывают найденные предметы.

В раскопанном в 1955 г. погребении по улице Владимирской, 7—9, кроме кальцинированных человеческих костей и костей барана, в кострище найдены плечевая кость тура и обломок турьего рога, тазовая кость коня, железный наконечник стрелы, византийская монета императора Льва VI (886—912). Следует отметить, что обугленные бревна, лежавшие под тупым углом один к другому, вместе с кучей угля на глубине свыше трех метров, были, очевидно, остатками деревянной ладьи, в которой по славянскому обычаю сжигали умерших.

Типичное захоронение в ладье было раскопано в языческом могильнике, существовавшем в ранний период древнерусского города Белгорода, расположенного вблизи Киева. Погребальное сооружение представляло собой выдолбленную лодку. Рядом находилась ритуальная площадка, устроенная в неглубокой овальной выемке кострища на прямоугольном земляном возвышении, где находилась ритуальная еда.

По описанию Г. Г. Мезенцевой, ладью поставили в яму, заполненную деревом. Нос и корма были обложены глиняными валками, которые и сохранили форму этих частей. Осталась также обугленная часть борта. Сверху погребальную ладью перекрыли деревянным на-

Месть Ольги древлянам. Справа — древлян несут в ладье, посредине Ольга склоняется над брошенными в яму древлянами. Миниатюра Радзивилловской летописи.

стилом из перекрещенных жердей, остатки которых найдены при раскопках погребения. Во время расчистки обнаружили много кальцинированных человеческих костей и костей животных, а также битую посуду X в., железную шейную гривну, височное кольцо и другие предметы.

Обряд погребения в ладье был достаточно распространен в Древней Руси. Да и по летописи княгиня Ольга приказала закопать древлянских послов живьем в ладье.

Одним из богатейших по инвентарю оказался самый большой курган, раскопанный в 1862 г. в урочище Батыева Могила. Он возвышался над значительно меньшими по высоте курганами, которых насчитывалось более 200, и содержал погребение с сожжением. Кальцинированные кости находились в высокой глиняной урне. Среди большого количества украшений и оружия отмечены ножи, топор, кресало и кремь, остатки железного ведра, а также серебряные сережки и перстень, бронзовая фибула, ожерелье из горного хрусталя и сердолика.

Господствующее положение кургана на могильнике и наличие богатых вещей, сопровождавших погребение, позволяют предположить, что здесь похоронен какой-то знатный воин вместе с девушкой-невольницей. Аналогичное погребение описал Ибн-Фадлан, который в 921 г. наблюдал в г. Болгаре сожжение знатного русса.

По сообщению Ибн-Фадлана, сожжение — общий погребальный обычай руссов. Простых людей сжигали в ладье, которую специально строили для этого случая. Знатные и богатые сжигались с особыми почестями и приготовлениями. Умершего богатого купца хоронили в ладье, которая была основным предметом его имущества и вместе с другими вещами домашнего обихода должна была удовлетворять его загробные потребности.

Ладья вытягивалась из воды, ее ставили на деревянный помост, который поддерживали четыре сосновых и березовых столба. На самой ладье строили шатер (сруб?). Здесь стояла скамья, покрытая дорогими тканями (в том числе греческой паволокой) — ложе, на котором размещался покойник, одетый в дорогие одежды. Вместе с ним клали фрукты, крепкий напиток (мед), цветы, оружие. В ладью бросали изрубленных мечами коней, быков, собаку, петуха и курицу, которые должны были служить покойнику в потустороннем мире. Вместе с умершим сжигалась одна из девушек, дававшая на это добровольное согласие.

Всем погребальным процессом распоряжалась очень старая женщина, которую называли Ангелом смерти. Девушку, наряженную в роскошные одежды с различными украшениями (ожерелья, браслеты), душили и кололи ножами между ребрами. Затем зажигали под ладьей приготовленное дерево. Огромный костер охватывал ладью, шатер, покойника, девушку... На том месте, где стояла ладья, насыпали возвышение из земли, похожее на круглый холм (курган), ставили деревянный столб с именами покойника и русского князя.

Сожжение — древний погребальный обычай восточных славян — руссов. Арабские писатели IX—X вв., которые под руссами понимали славянское население Поднепровья и Причерноморья, достаточно подробно рассказали об этом обряде. Кроме Ибн-Фадлана, о сожжении руссов (вместе с имуществом) писали аль-Масуди, Истахри, Ибн-Хаукаль. Масуди, между прочим, подчеркивал, что руссы сжигают покойников

на огромных кострах, возлагая на тот же костер животных, оружие и украшения. Вместе с умершим сжигалась его жена, пожелавшая умереть со своим мужем, чтобы вслед за ним войти в рай.

Лев Диакон, византийский писатель X в., отметил веру русских воинов в потустороннюю жизнь, на которую они смотрели как на продолжение настоящей, с ее радостями и горестями. По словам Льва Диакона, употребляемый воинами Святослава обряд погребения — сожжение.

Обряд сожжения у восточных славян был тесно связан с верой в священный огонь, в культе которого соединялись огнепоклонничество и почитание солнца. Огонь на земле (домашний очаг) и огонь на небе (солнце) представлялись священными, так как несли благосостояние человеку.

По верованиям древних славян, огонь очищал грешных покойников и, сжигая их, открывал им царство света и вечный покой. Огонь, собственно, и переносил умерших в рай. Принимая огненное очищение, покойник в путешествии в рай становился недоступным для злых сил. Сожжение, по верованиям язычников, важнейший вид погребальной почести. По их мнению, сожжение людей в ладье, на которой они переплывали воздушное пространство и достигали вечного жилища — обители солнца, куда каждый раз уходит светило, закончив свой дневной путь, помогало быстрее добраться до жилища отцов.

Таким образом, в погребальном обряде через сожжение отражен культ солнца, которое больше всего почитали наши предки. Недаром арабские писатели называли славян-язычников солнцепоклонниками.

Обряд сожжения у языческих русских племен подтверждает и «Повесть временных лет»: «И если кто умирал, то устраивали по нем тризну, а затем делали большую колоду и возлагали на эту колоду мертвеца и сжигали, а после, собрав кости, вкладывали их в небольшой сосуд и ставили на столбах при дорогах».

И хоть эти слова летописца относятся к обычаям радимичей, вятичей и северян, они также с фотографической точностью фиксируют погребальный обряд через сожжение и киевских полян. Ведь в киевских курганах отмечены и следы тризны, которую творили по случаю смерти человека, и следы кострищ, на которых сжигали

мертвых, и сосуды-урны, в которые собирали кости сожженного. Археологические данные (раскопки курганов полян и других названных в летописи племен) лишь уточняют: сосуды с прахом находились не на верху кургана, а в его середине, под насыпью.

Трупоположение. Значительное распространение в киевских языческих некрополях имел и обряд трупоположения. Эта группа погребений делится на погребения рядовых киевлян и киевской знати с бедным соответственно и богатым инвентарем, который должен был сопровождать покойников в потустороннюю жизнь. Сущность же погребальной обрядовости была одинаковой.

В этом ритуале также отражено представление о том, что умерший продолжает жить в потустороннем мире той же жизнью, что и на земле. Покойники имеют те же потребности, что и живые: они едят, пьют, им нужны рабы. Этим и объясняется обычай класть рядом с ними пищу, оружие и другие предметы, а также животных, рабов и рабынь.

Рядовые погребения киевских некрополей (их исследовано около ста) относятся к массовым могилам городского населения и характеризуются стойким обрядом погребения. Покойника хоронили в деревянном гробу, опущенном в могилу прямоугольной формы. Над погребением насыпался невысокий курган. В нескольких погребениях, открытых в усадьбе Трубецких, покойник в гробу был обильно посыпан золой и углем. В этом несомненно отразились пережитки трупосожжения. Отголоском еще более древних языческих представлений является обычай посыпания зерном в одном из погребений на Старокиевской горе. Погребенный был обильно посыпан льняным семенем, особенно около черепа и возле ног. Поджаренные зерна пшеницы и проса, расположенные слоями, обнаружены также на погребальном кострище в усадьбе Софийского собора.

Отголоском этого древнего обряда, зафиксированного в киевских могильниках, был обычай у болгар и поляков посыпать внутренность могилы зерном. Известен этот обычай на Киевщине и сегодня. Хлеб служил предметом хозяйства умершего или выражал символично мысль о его потусторонней жизни. Еще в XIX в. белорусы и украинцы посыпали жилье и место, где лежал покойник, зерном, имевшим очистительное значение.

Инвентарь в рядовых киевских погребениях несложный и незначительный. Во многих погребениях (Старокиевская гора) встречается глиняная посуда или в виде целых горшков, в свое время содержавших, вероятно, ритуальную пищу, или в виде обломков, которые могли представлять остатки погребальной трапезы (Старокиевская гора, Верхняя Юрковица).

В мужских погребениях часто встречаются железные ножи, кресала и кремни для высекания огня, точильные бруски для заточки ножей и стрел. В двух погребениях возле скелета были найдены костяные острия с тупым концом в виде головы зверя с раскрытой пастью — обереги. В составе курганных погребений рядовых дружинников есть также предметы вооружения: боевой топор, железные наконечники копья, кинжалы, стрелы, боевой топорик и сагайдак (колчан) со стрелами (Старокиевская гора, Верхняя Юрковица).

Как среди рядовых, так и среди богатых, срубных погребений, часто встречаются кабаньи клыки. Более 14 их было найдено в усадьбе Кривцова (1892 г.). В срубном погребении около Десятинной церкви находилось три клыка. Один клык найден в погребении с конем. Немало их обнаружено и в культурном слое городища на Старокиевской горе. Кроме кабаньих, в киевских курганах встречаются и медвежьи клыки.

Значительно богаче по инвентарю женские погребения, в которых встречаются перстни, височные кольца, ожерелья. Ожерелье состояло из различных бусин и подвесок типа монет, раковин, лунниц.

Составной частью раннекиевских некрополей являются погребения знатных дружинников в срубах — больших подземных деревянных сооружениях всегда прямоугольной формы (размерами от $1 \times 2,5$ до $2 \times 2,8$ м), перекрытых бревенчатым накатом. Дно срубов выстилалось деревом, на котором лежали умершие. Сопровождал их богатый инвентарь, характеризовавший социальное положение покойников — представителей военно-дружинной знати Киева.

Погребальный обряд, как и при сожжении, преследовал цель обеспечить будущее существование покойников. Как уже упоминалось, понятие языческих славян о жизни в потустороннем мире было отражением земного быта и его условий. Покойнику сооружали посмертное жилище, похожее на земное: могильную яму, напо-

минавшую срубные конструкции, обкладывали колодами. Не исключено, что такие конструкции имитировали наземные жилища — срубы IX—X вв., которые были исследованы в 1972—1975 гг. на Подоле.

Срубные погребения киевских могильников по степени сложности обряда разделяются на несколько групп: в одном случае погребенный был богато вооружен, но без коня (Кирилловская ул.), в нескольких случаях его сопровождал боевой конь (Старокиевская гора, усадьба Софийского собора), в трех случаях дружинник похоронен в сопровождении рабыни (Старокиевская гора, Верхняя Юрковица) и в двух — в сопровождении рабыни и коня (Старокиевская гора, Кирилловские высоты).

И конь, и оружие неотделимы от воина-дружинника. Конь был еще и символом солнечного божества, он должен был сопровождать умершего на пути в рай — жилище солнца, страну блаженства и вечного покоя. Во время раскопок киевских курганов обнаружены предметы богатого снаряжения боевого коня, разнообразное оружие: шиоры, стремяна, удила, сбруя, мечи, боевые топоры, кинжалы, копья, колчаны со стрелами, шлемы и кольчуги.

Среди срубных захоронений определено несколько курганов военных вождей, где покойников сопровождали особенно дорогое и разнообразное оружие, драгоценные вещи, рабыни и боевые кони. Так, в погребении, раскопанном в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви, обнаружена насильственно убитая женщина (рабыня), украшенная драгоценными вещами. Она должна была служить в потусторонней жизни своему господину. Женщины-язычницы верили, что созданы для мужей и только через них, вместе с ними могут войти в рай и там блаженствовать. Обычай русских женщин или наложниц умирать на могиле своего мужа засвидетельствован в IX—X вв. арабскими и греческими авторами. Да и древнерусская былина прямо указывает на то, что после смерти богатырь Михайло Поток был похоронен вместе с живой женой:

Его, Потока, похоронили,
А ево молоду жену Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю.

Из других предметов, необходимых покойникам, по мнению древних киевлян, для будущего существования

можно назвать глиняные и деревянные сосуды (горшки, амфоры, миски), многочисленные деревянные ведерки с железными обручами, найденные как в массовых, так и в срубных погребениях. Глиняные и деревянные сосуды предназначались для пищи и питья, а деревянные ведерки — для хмельного меда, вина и пива. Возле последних иногда находили деревянные ковши с серебряной оковкой.

В дружинных погребениях, как и в массовых, часто встречаются обереги: упоминавшиеся уже кабаньи и медвежьи клыки, различные костяные подвески в виде двойного месяца, с изображениями зверей и птиц, серебряные крестообразные подвески с ушками, бронзовый ключик и бронзовые ложечки-подвески.

Срубные погребения знатных киевлянок сопровождались богатыми украшениями и различными предметами домашнего хозяйства. Из украшений типичными являются бронзовые и серебряные височные кольца, браслеты, золотые и серебряные серьги, перстни, серебряные фибулы. В состав ожерелий входили разнообразные бусинки и подвески, иногда восточные и византийские монеты. Встречаются здесь и крестообразные металлические пластины-подвески с отверстиями или ушками для подвешивания, украшенные орнаментом из мелких кружочков, иногда в виде ромба в центре, символизирующего солнце. Такие подвески в женском уборе часто играли магическую роль оберегов.

Женские погребения сопровождали и предметы хозяйственной деятельности: ножи, ножницы, глиняные сосуды, пряслица. Исключительный интерес представляет женское погребение, обнаруженное в 1968 г. на склонах Старокиевской горы. Оно находилось под полом жилища XI в. на глубине 0,6 метра. В области поясницы скелет был насквозь пробит большим железным гвоздем-костылем, конец которого оказался загнутым. Северная ориентация, пробитый гвоздем позвоночник и необычно глубокое залегание (до 1,8 метра) выделяют это погребение из ряда других исследованных на Старокиевской горе. Авторы раскопок предполагают, что это мог быть случай, связанный с ритуалом умерщвления вампира.

По народным верованиям, враждебными силами человека были женщины-ведьмы, вампиры. Их прокалывали терновыми или осиновыми колами, после чего они

уже не могли творить людям зло. Есть и другое объяснение. Умерших не по-христиански (утопленников, самоубийц) хоронили по древнему языческому обряду, хоть и ослабленному: отдельно от остальных, часто под семейным порогом. А прокалывание колом в таких случаях имело цель обезвредить всякие природные бедствия: засуху, град, преждевременный мороз, которые приписывались влиянию погибших насильственной смертью. Описанное киевское погребение и является остатками языческого погребального обряда.

Важные сведения об обряде трупоположения у древних киевлян сохранила нам «Повесть временных лет». Описывая смерть Аскольда и Дира от руки Олега, она указывает, что киевские князья были похоронены на горе (*и погребоша*). Также ничего не говорится о сожжении Олега: его похоронили (*погребоша*) на горе Щекавице в могиле. Похоронили в земле (*погребли*) древляне и князя Игоря. Над его останками княгиня Ольга повелела насыпать высокую могилу (курган). Да и древлянских послов, которые пришли сватать ее за князя Мала и которых несли от Почайны в ладье, Ольга живыми похоронила в глубокой яме, вырытой на теремном дворе. Себя Ольга завещала похоронить наравне с землей (*погрести*).

Как видим, по отношению к погребению язычников Олега и Игоря употреблялся термин *погрести*, *погребати*, аналогичный термину *погребоша*, относящийся к христианке Ольге. Таким образом, «Повесть временных лет» подтверждает известные уже археологические данные: у полян и древлян в X в. существовал обряд трупоположения, который сосуществовал с трупосожжением.

На обряд трупоположения у руссов указывал еще араб Ибн-Даста. Он описал могилу в виде просторной комнаты, напоминающую киевские срубные погребения: «Когда между ними умрет какой знатный, для него вырывают могилу в виде просторной комнаты, кладут туда мертвеца, кладут туда также его одежду, золотые обручи, которые он носил, много яств, кружки с напитками и другие неодушевленные предметы — ценности. Жена, которую он любил, живую помещается в погребальной комнате; затем затворяют двери, и она там умирает».

Отдельные моменты древнерусского языческого погребального обряда, которые почти невозможно воспро-

Курган над могилой князя Игоря. Миниатюра Радзивилловской летописи.

известии по археологическим источникам, сохранились в письменных памятниках нашей старины. Особенно важные свидетельства встречаем в «Житии князя Константина Муромского» (вероятно, князя Ярослава Святославича, умершего в 1129 г.). Когда Константин хоронил своего сына по христианскому обряду, «неверные люди, видя это, удивлялись, что не по их обычаю творимо погребение сыну самодержца, взнак на восток лицом, а могилы вверх холмом не сыпали, но ровно с землей, ни тризны, ни дымы не делали, ни битвы, ни кожи кроения, ни плача безмерного». Далее в «Житии» рассказывается, что по обычаю на могиле убивались кони, закапывались в землю «ременные плетения древолазные».

По мнению А. А. Котляревского, «Житие Константина Муромского» представляет нам очень древнее, может, даже современное введению христианства свидетельство о языческой погребальной старине восточных славян. Некоторые детали обряда по «Житию» находят прямые соответствия в киевских погребениях. Все языческие погребения в Киеве — курганы, насыпанные таким способом, как и в «Житии» (холмом над уровнем земли). В киевских могилах конь сопровождал умершего, как и в «Житии», где, кроме того, подчеркнута:

коня убивали на могиле с убеждением, что он необходим покойнику в загробной жизни. Символическое христианское погребение на восток лицом (в знак будущего воскрешения) в «Житии» противопоставляется языческому, хотя и не указывается, в чем заключается последнее. В киевских языческих некрополях зафиксирована ориентация головой на запад или с незначительным отклонением на юго- или северо-запад.

Такая ориентация покойника в киевских языческих погребениях связана непосредственно с древними верованиями славян. В каждодневном движении солнца человек видел жизнь существа, подобного себе. Солнце рождалось (восход), постепенно старело и умирало (заход). Смерть человека уподоблялась солнечному закату, смерти солнца. Место, где исчезало солнце, представлялось человеку жилищем, которое ждет его после смерти и куда отошли ранее его родители, где они наслаждаются новой жизнью. И вот живые хотят помочь умершим близким скорее переселиться в эту блаженную страну. Они выбирают для возложения умершего ориентацию, связанную с заходом солнца, его прекрасным жилищем. Западная ориентация, таким образом, связана с религиозной идеей: потусторонний мир, куда отходят души умерших, находится в стороне солнечного заката. Эти взгляды восточных славян позднее совпали с канонами христианской религии, по которым покойника хоронили головой на запад, а лицом на восток.

Тризна. Как свидетельствуют древнерусские памятники письменности, после похорон покойника устраивалась тризна — важная составная часть погребальных обрядов языческих славян. По словам А. А. Котляревского, тризна была «торжественным прощанием с покойным и имела вид военного ристалища, игры или битвы» (собственно, обрядовая военная игра). Б. А. Рыбаков отмечает, что такие обряды были призваны отгонять смерть от живых, демонстрировать их жизнеспособность. Слово *тризнице* обозначало арену, место соревнования, причем основную роль тут играли конные соревнования. Ведь конь был и символом смерти, и символом воскрешения солнечного божества, символом солнца, которое заходит и восходит.

Во время тризны происходили не только военные упражнения и соревнования. «Повесть временных лет»

Мечь Ольги древлянам. Древяне живыми сгорают в бане. Миниатюра Радзивилловской летописи.

помогает выяснить и другие ее элементы. После смерти Игоря Ольга обращается к древлянам с просьбой приготовить много меда, потому что она приходит в город, где убили ее мужа: «Да поплачусь на могиле его и устрою ему тризну». Когда же насыпали над князем могилу, сели древяне пить, а когда упились, княгиня велела отрокам своим пить за них. Летописный текст свидетельствует, что в этом случае тризна устраивалась после насыпания кургана и заключалась в питье хмельного меда в честь Игоря. Да и по свидетельствам других письменных источников после похорон живые или пьют за мертвого прощальную чашу, или выливают ее в могилу (такой является прощальная чаша девушки у Ибн-Фадлана). По мнению А. А. Котляревского, мечь Ольги-язычницы древлянам не была простым наказанием, а религиозным обрядовым действием: она приносит погребальную жертву душе своего мужа.

Укажем, что при раскопках киевских курганов неоднократно находили много костей съеденных жертвенных животных (коня, тура, свиньи, барана, овцы) и птиц (кур, гусей). Причем довольно часто попадались разрубленные кости животных, что может указывать на деление мяса на отдельные части (порции) соответственно количеству присутствующих на тризне людей. Остатками от тризны являются многочисленные обломки битой посуды (из которой пили хмельной мед, пиво или

вино в честь покойника). Их находят как при обряде сожжения на кострах, так и при трупоположении (в насыпи курганов).

По всей вероятности, разбивание посуды по окончании тризны означало, что домашняя собственность не переживает своего хозяина. Подобное явление зафиксировано этнографами в отдельных населенных пунктах Поднестровья.

Как уже было сказано, киевские некрополи исследовались со второй половины XIX в. Они много дали для определения языческих элементов древнекиевского погребального обряда. Основные черты этого обряда, как в рядовых погребениях, так и в погребениях знати, характеризуют киевские некрополи IX—X вв. как языческие. По мнению исследователей, никаких признаков христианского обряда в таких погребениях обнаружить не удалось.

* * *

В этой книге мы лишь коснулись вопроса дохристианских верований населения древнего Киева. В действительности мифология Киева намного богаче и полнее, чем об этом рассказал Нестор и чем мы знаем из археологических исследований. Невзирая на трудности исследования, существенные черты древнекиевских дохристианских верований все же можно считать установленными. В мифологии киевлян многое было общим с мифологией восточных славян, но имелись и некоторые отличия. Недаром известный советский этнограф С. А. Токарев, исследуя восточнославянскую мифологию, отмечал: «...У каждого племени были свои предметы почитания, и даже у каждого рода свои».

Археологические исследования Киева — одного из древнейших городов восточных славян — ведутся уже более 150 лет. Продолжаются они и сегодня. Ученые открывают все новые и новые тайны о жизни наших далеких предков, их высокой и самобытной культуре, составной частью которой является мировоззрение киевского средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20.
- Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь.— Спб., 1914.— 386 с.
- Вагнер Г. К. Проблема жанров в древнерусском искусстве.— М. : Искусство, 1974.— 266 с.
- Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов.— М. : Наука, 1978.— 240 с.
- Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси.— Харьков, 1916.— Т. 1. 373 с.
- Даркевич В. Л. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси.— Советская археология, 1960, № 4, с. 56—67.
- Даркевич В. Л. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве.— Советская археология, 1961, № 4, с. 91—101.
- Динцес Л. А. Древние черты в русском народном искусстве.— В кн.: История культуры Древней Руси.— М.; Л., 1951, т. 2, с. 465—491.
- Ивакин Г. Ю. Священный дуб языческих славян.— Советская этнография, 1979, № 2, с. 106—115.
- Каргер М. К. Древний Киев.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1958.— Т. 1. 579 с.
- Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян.— М., 1868.— 252+38 с.
- Повесть временных лет. Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.— Ч I. 404 с.
- Рыбаков Б. А. Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства.— М. : Изд-во АН СССР, 1953, Т. 1, с. 39—92.
- Рыбаков Б. А. Русалии и бог Симаргл-Переплут.— Советская археология, 1967, № 2, с. 91—116.
- Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья.— Вопросы истории, 1974, № 1, с. 3—30.
- Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.— М. : Наука, 1981.— 607 с.
- Слово о полку Игореве.— М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.— 482 с.
- Токарев С. А. Религия в истории народов мира.— М. : Политиздат, 1976.— 575 с.
- Толочко П. П., Боровський Я. Є. Язичницьке капище в «городі» Володимирі.— В кн.: Археологія Києва. К. : Наук. думка, 1979, с. 3—10.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ДРЕВНЕРУССКИЕ ПАМЯТНИКИ ПИСЬ- МЕННОСТИ ОБ ОБЫЧАЯХ КИЕВЛЯН .	5
КИЕВСКИЕ КАПИЩА И СВЯЩЕННЫЕ РОЩИ	38
ДРЕВНИЕ ЧЕРТЫ В КИЕВСКОМ НА- РОДНОМ ИСКУССТВЕ X—XIII вв. . . .	63
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ	88
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	103

ЯРОСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ БОРОВСКИЙ

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ МИР ДРЕВНИХ КИЕВЛЯН

*Утверждена к печати Ученым советом
Института археологии АН УССР
и Редакционной коллегией научно-популярной
литературы АН УССР*

Заведующий редакцией А. М. Азаров

Редактор В. П. Плачинда

Оформление художника В. М. Флакса

Художественный редактор Б. И. Прищепя

Технический редактор В. А. Краснова

Корректоры С. А. Доценко, З. И. Соколинская

Информ. бланк № 5320

Сдано в набор 06.11.81. Подп. в печать 15.03.82.
БФ 01126. Формат 84×108^{1/32}. Бум. тип. № 1.
Лит. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-
отт. 5 98. Уч.-изд. л. 5,7. Тираж 25 000 экз. За-
каз № 412. Цена облож. на мел. бум. 120 гр.—
20 коп. Обл. на офсет. бум. 240 гр.— 25 коп.

Издательство «Наукова думка».

252601 Киев, ГСП, Репина, 3.

Областная книжная типография.

320091 Днепропетровск, ул. Горького, 20.